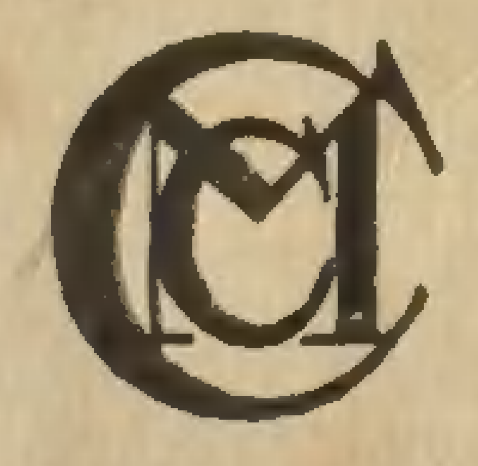
Н. П. БРУХАНСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
Москва

Н. П. БРУХАНСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
Москва—1928

ОГЛАВЛЕНИЕ.

«Мосполиграф». 14-я тип. Москва, Варгунихина гора, 8.

Главлит № 80495. Тираж 3000.

«Лес рубят—щепки летят».

Чтобы понять то необычайно сложное, в котором мы сейчас живем, надо учитывать решительно все, надо освещать со всех возможных точек зрения.

Психиатрическое мышление и метод исследования клинической психиатрии—вот те условия, которые не только позволяют, как мы об этом уже не раз писали, правильно оценить всю личность в ее целом, во всей ее сложности и во взаимодействии с окружающей ее средой, но также в связи с этим позволяют осветить и многое в социальной жизни вообще. Для выпускаемых очерков это, по нашему мнению, и является оправданием.

Мы остановились на трех вопросах современной нам действительности, тесно связанных между собой. Конечно, мы отнюдь не претендуем на разрешение их, а только ставим их в нашем психиатрическом разрезе.

Москва. Январь 1927 г.

О ПСИХИЧЕСКОЙ ЗАРАЗИТЕЛЬНОСТИ.

(Случай психической эпидемии в Московской губ. в 1926 г.[1]).

В 33 верстах от Москвы, в дачной местности, в деревне Верее[2]), в семье с средним достатком, у крестьянина, работающего пильщиком на Люберецком заводе, 31 января играют свадьбу.

Сын, 21 года, числящийся на допризывной подготовке, раньше в течение 5 лет шорник на фабрике в Москве, женится на своей однолетке, ткачихе с фабрики «Спартак», из крестьянок смежного с Вереей села Быкова.

Вышли из церкви. Стали обводить невесту вокруг заложенных саней. Лошадь неожиданно упала...

---

1) Этот случай был мною обследован по просьбе губернского психиатра В. А. Громбаха, которому и пользуюсь случаем здесь выразить свою глубокую признательность за столь интересное для меня поручение.

2) Село Быково и смежная с ним деревня Верея, Бронницкого уезда, расположены в $1^1/_2$ верстах от ст. Быково. В Верее 1305, в Быкове 1437 жителей. Материальное благосостояние населения вполне удовлетворительное. Летом почти все избы, за редким исключением, сдаются под дачи, владельцы же живут в холодных помещениях. Многие из крестьян работают на Люберецком заводе и фабрике «Спартак», некоторые в Москве. В Верее и Быкове 372 чел. состоят в Профсоюзах. В Верее—членов ВКП—1, членов ВЛКСМ—5. Неграмотных в возрасте от 14 до 30 лет—10%. В Верее изба-читальня с 150 собственными книгами и передвижка из волизбы; выписываются две газеты. Посещаемость 20 чел. в день. Кроме того, в среднем выписывается 1 газета на 3 избы. Церковь посещают около 35%. Потребление алкоголя распространено среди 50% населения. В Быкове 1 лавка Госспирта, кроме того, водкой торгуют все лавки кооперативов. Алкоголизм настолько стал ощутителен в хозяйстве и быту, что на одном из последних собраний женщин-крестьянок было постановлено о закрытии лавки Госспирта. (Сведения получены от секретаря волисполкома и избачей).

Дурной знак...

Но... у невесты под пяткой пшено, у остальных—у кого сучок, у кого луковица в кармане.

Ничего не сказали, отправились все в дом к молодому. Стали пир пировать, свадьбу гулять.

Молодых кормили, как водится, в отдельной комнатке—каморке без дверей, отгороженной здесь в избе,—куда никто не должен был входить. Пьяный отец ударился в амбицию, что дочка не хочет его впустить, уехал, даже не простился.

На следующий день, в понедельник утром, отец молодой приехал звать их к себе. Выпили, закусили. Затем он уехал и снова уже приехал за ними, в половине четвертого, со своим братом, дядей молодой.

Привезли курицу...

Сели за стол, собрались гости — верейские, быковские. Стали пить, пили много, молодая—только чай.

Отец вспомнил вчерашнюю обиду, начал Нюшу бранить: «Ты мне не дочь, я тебе не отец, чтобы твоя нога у меня в доме не была»,—выругался матерно. Нюша в слезы.

Неладно... «На свадьбе ведь всегда дух тяжелый...»

Быковские стали уезжать...

Молодая, все еще плача, пошла переодеваться в чулан, затем вернулась к себе в каморку.

Вдруг взвизгнула, упала, стала «кричать на голоса», визжать, рвать на себе волосы, новое платье на груди, биться...

Вслед за новобрачной упали в припадке со смехом, чередующимся с плачем и визгом, две молодые золовки и стали «ломаться».

Все растеряны, плачут, бранятся. Молодой застыл по середине комнаты. Хозяйка дома причитает, охает и держит кукиши (так порча не берет!).

В этот момент приоткрывается дверь и у порога в сильном припадке (четверо не могли удержать) бьется 23-летний деверь.

Колдун!.. Нечистая сила!..

Васька, гармонист, срывается с места и бежит.

Хозяин дома, чтобы не выпустить колдуна, втыкает в дверь нож с вилкой.

Сидящая за столом молодая полька, вдова, недавно вышедшая замуж, тоже падает и начинает биться. Все знают, что она давно испорчена — «не могла иметь греха». «Бабушка» ей сказала, что она испорчена на три года, а через три года, она, когда порча пройдет, будет способна «иметь грех», а пока, чтобы присушить мужа, заставляла ее подмешивать в еду ему засушенные месячные крови и прибавлять к питью обмывную воду с половых органов трупов.

Вслед за ней начинает трясти и ее молодого супруга.

Молодой, стоявший все время в каком-то оцепенении, неожиданно пришел в сильное возбуждение. Начал плакать, размахивать кулаками, лез драться. Так как никто из оставшихся гостей не уходил, а сказать «прощай» нельзя (колдун может уйти!), то он стал за шиворот выталкивать посторонних.

Деверь, придя в себя, рассказал, что, усадив в сани быковских, он, возвращаясь в избу, увидел, как из трубы вылетели три черных человека, один из них крикнул ему: «сегодня тебе последний день жизни».

Вскоре стали стихать и остальные, кроме молодой. Она билась до 2 часов ночи. Покрывали скатертью из-под молебна, на шею клали образок, но она с каким-то особенным остервенением, хрипом, визгом и бранью его с себя сбросила. Побежали за девятичасовой, затем встречной водой, затем святой.

«Кричит, гремит в горле, не глотается, воздух идет теплый, а когда дали воды—холодный пошел». Окуривали ладоном, кропили водой...

И когда ничего не помогло, побежали за «лекарем» Шуркой. Он лечит всех тем, что наговаривает воду с вином, которую дает пить больным, и отчитывает их по какой-то особенной книжке, которую никто никогда не видал, «Цветник» и «Черной и белой магии», хотя он сам и неграмотный, читать и писать не умеет. Лекарь дал больным «наговорной воды» и держал их за безымянные пальцы, строго спрашивая: «Кто, кто?». Все сказали—«черный», а молодая сказала—«родной».

Многие подумали об ее отце и дяде. Да и поведение дяди и его жены внушало подозрение. Всем показалось странным, что когда случился припадок, они не подошли к молодой,

а сидели в сторонке. О тетке же вообще говорили, что она знает всякие «штуки» и дает советы, как сделать, чтобы «греха не было» —«когда мужчина помочится, то надо в этом месте в землю воткнуть булавку, и тогда он не может иметь греха; или можно воткнуть булавку в простыню—это тоже действует».

Лекарь сказал, что на молодую навели сильную порчу; если бы он захотел сказать, он мог бы сказать, кто портит— он знает, но боится, что их убьют.

Вечером, когда припадки еще продолжались, мать с молодым, взявшим фонарь, направилась за надобностью. Вышли в сенцы... Темно, дрожь, страшно... Она охает, причитает... шум, свист... неожиданно выбивает из рук молодого фонарь... Оба мечутся, мать орет, корова прыгает, мычит...

В два часа ночи молодая отошла. Все заснули.

На следующий день в четыре часа, как и накануне, все сидели за столом, пили чай. Вдруг деверь затих, затем упал и начал биться. Мать молодой, указывая на него, сказала: «Вот, Нюра, и ты так же вчера билась». Дочь посмотрела, ахнула, упала и судорожно забилась. Следом за ними упали золовки. Плач, смех, визг, крики... В это же время в соседней избе билась вчерашняя гостья, молодая полька. Опять стали «врагов отшибать»—окуривать, кропить водой и т. д. Снова был приглашен Шурка-лекарь. Он сказал, что молодая «испорчена пуще других» и об'яснил, что этими припадками он лечит, так как во время них порча выходит. Дал наговорной воды, все пили, а молодая не брала. Все вскоре отошли, кроме молодой, которая билась до самой ночи.

В Верее и Быкове только и толков, что о порче. Главное, знать хотят, кто колдун. Быковские, чтобы проверить, действительно ли дядя колдун, сидя в чайной и увидя его на дороге, воткнули вилки в столы—«если он, то так не войти». Дядя походил вокруг и не вошел. Подозрение усилилось.

В среду сидели за столом, играли в карты; около четырех настроение у всех—«ждешь, как малярию», стали позевывать... Ровно в четыре у золовки вдруг онемели руки, она упала, стала биться, визжать, выкрикивать. Вслед за ней молодая, как-то странно сперва захохотав, потом заплакав, упала и судорожно забилась, за ней деверь и младшая золовка,

Позже всех опять отошла молодая, но в этот раз все-таки билась недолго.

В четверг, тоже около четырех, припадок случился только с молодой, продолжался с полчаса. В пятницу же вечером она даже и не упала, а только—«что-то навалилось», поплакала, посмеялась, немного подергалась и все прошло.

В субботу Нюша вышла на работу. Чувствовала только слабость.

После этого припадков ни с кем больше долго не случалось. Только Васька-гармонист не смог больше работать. Слабость и немота в руках недели три держались. Так и с завода уволили. Да на масляной (8/III), когда у отца молодой все и молодая, выпили, дядя, зашедший в первый раз после свадьбы, просил прощения, и она его, несмотря на отговоры мужа и матери, простила, с ней после ухода его случился припадок. Она легла в постель, хохотала, плакала, ее ломало. Молодой рассказывает, что в этот раз дядя пытался и его испортить, пропустил из-за этого два поезда, все не хотел уйти, но ему не удалось «словить»,—он его перехитрил. И через $1^1/_2$ месяца, когда мы видели молодого в последний раз, он грозил дядю убить.

Это происшествие надолго взбудоражило население Вереи и Быкова. «Такого происшествия и не запомним...», говорит председатель верейского совета, который, когда «началось», тоже пришел и «сам видел». Толки, пересуды, предположения... Только и разговоров, что о порче и колдуне. Мистическое любопытство, преклонение перед нечистым и вместе с тем какая-то гордость, что «у них»...

К врачу отношение даже несколько враждебное. На дворе мальчишки кричат ей вслед—«ну, чего ты понимаешь. Врешь все». «Ну, вот, пошли мы с Нюшей на второй день после припадка к докторше, дала «аверьяновых»; ну, разве супротив этого поможет». На наш вопрос, почему же они в таком случае не пригласили священника, молодая, при общем, видимо, одобрении, ответила: «Почему же мы будем делать как-то особенно от других, когда в таких случаях зовут смыслящих в этом». Один из самых толковых и передовых людей села, присутствовавший на свадьбе и эпически повествовавший нам об «исте-

риках», закончил свой рассказ так: «всех отчитывал. Это все же явление—человек пришел и отчитал. Знаешь, что вот случается,—человек не своим голосом кричит, а потом перестает. Это не нашего ума дело. Отчего сапоги разваливаются—знаю, а отчего это бывает—не знаю. А ты книгу «Цветник» видал... там все сказано». Одна комсомолка, делегатка от женщин-работниц, подруга молодой, на все вопросы ответила незнанием, явно уклоняясь от разговора. На фабрике «Спартак» работницы указывают пальцами на дочь-барышню дяди и говорят—«вот она колдунова дочка».

Такова несложная история верейской психической эпидемии. Несмотря на банальный характер истерических судорожных припадков, верейская эпидемия имеет свой глубокий смысл и заслуживает большого внимания. Она позволяет поставить целый ряд вопросов большого принципиального значения и в области социальной психопатологии.

Все разыгрывается, как мы указали, в довольно шумной дачной местности, в среде подмосковных крестьян-рабочих местных фабрик. Несколько слов о самих участниках.

Хозяин дома, отец молодого, крепкий, смышленый, уравновешенный, малопьющий человек, 46 лет. Среди его родственников по восходящей и боковой линиям все люди крепкие, здоровые, трезвые, кроме его отца, любившего выпить. Его жена, 42 лет, здоровая, дебелая русская женщина, неграмотная, болтливая, держит весь дом в своих руках, легко возбудимая, «горячая»; среди ее родни, по ее словам, все отличались большой силой и хорошим здоровьем. Всех беременностей у нее было десять: трое детей умерло в детстве до трех лет, четверо живы, два мертворожденных и один выкидыш (последняя беременность). Дети все коренастые, сильные, бойкие, все грамотные, но все с довольно ограниченным кругозором и малым запасом школьных сведений. Старшему (деверю) 24 года, он чернорабочий, в общем довольно легко возбудимый человек; молодой разбитной парень 21 года, франт, с городским лоском; дочь (золовка), 19 лет, парщица в прядильной, где работает уже $2^1/_2$ года, и сестра ее 15 лет, работница по дому—добродушные, спокойные, приветливые девушки. Семейная атмосфера хорошая,

Что касается семьи молодой, то отец ее, 42 лет, инвалид труда (отрезало руку на службе на железной дороге), крестьянствует, с хорошей житейской сметкой, толковый, хороший хозяин, в молодости сильно пил, пьет и сейчас, но меньше, раздражителен, вспыльчив, но в общем добродушен. Сестра его, двадцать лет как «порченая», с ней бывают припадки перед большими праздниками и в церкви во время херувимской. Мать здоровая, крепкая женщина, довольно спокойный человек. В молодости, когда Нюше было четыре года и материальные условия были очень тяжелые — «холодали, голодали», у нее недели две были какие-то «странные» ощущения в руках и ногах, язык ей казался «как тряпка», часто тогда плакала. Все родственники ее здоровые люди, пьют, «как все». Всех детей восемь. Трое умерло в малолетстве. Один из них умер от «кило» — фурункулеза, — тоже происходит от «порчи», лечили у «бабушки». Пять человек живы. Один из сыновей несколько дебилен и инфантилен. Сама молодая довольно упитанная, крепкая, скорее пикнического сложения, доступная, приятная, бойкая, довольно развитая и, я бы сказал, самая толковая из всех, умеет читать и подписывать свою фамилию, считается хорошей ткачихой. По словам всех знающих ее, она всегда спокойна, весела и жизнерадостна. Не отличалась никогда особой раздражительностью и легкой возбудимостью, не была особенно и чувствительной. С родителями отношения всегда хорошие. Со стороны нервной системы и внутренних органов ничего особенного отметить нельзя. Менструация с 18 лет. До замужества virgo. До этого происшествия, с ней никаких припадков судорожного характера и тому подобных явлений никогда не бывало. Материальные условия семьи вполне удовлетворительные.

По словам Нюши, она очень «пугалась» первой брачной ночи. Так ей говорили... В первую ночь пировать кончили в 5 ч. утра, все устали, а в 8 уже встали. В каморке, где спала она, спали и другие. Молодой был выпивши, просил, лез к ней. Она указала на находящихся в этой же комнате и сказала: «завтра». На следующий день, когда, поссорившись с отцом, она плача переодевалась, чтобы ехать в Быково, к ней снова стал приставать молодой. «Нельзя, здесь гости,

поедем в Быково и там»... После этого и случился припадок. В пятницу она стала женой своего мужа. В субботу вышла на работу.

Несколько слов еще об одном персонаже этого происшествия, а именно о Шурке-лекаре или чернокнижнике, как его называют. Некоторые из сельчан намекают, что, может быть, он и есть колдун («умеет отчитывать—умеет и наговаривать»), да и сама молодая, правда, довольно робко, отмечает, что однажды в церкви он как-то по особенному на нее взглянул. Однако, эта версия не пользуется успехом. Авторитет его, как «лекаря», совершенно незыблем. Вам сразу приводят множество примеров исцеления им тех, от которых доктора, даже московские, совсем отказались. Он не местный житель. Бывает только наездами. В последнее время, в связи со слухами, что его арестуют, он в Верею и не показывается. Мы, к сожалению, его лично не видели. Но все-таки кое-какие сведения о нем получили, несмотря на определенное желание всех о нем поменьше говорить и его не выдавать.

Наиболее ценные данные о нем мы находим в истории болезни Солдатенковской больницы из отделения проф. Чугунова, где он находился с диагнозом гомосексуализма, генитальной дистрофии и гигантизма. Он русский, ему 33 года, без определенных занятий, неграмотный. Он воспитывался в воспитательном доме. О родственниках ничего не знает. Детства не помнит. Никогда не учился. Из заразных заболеваний перенес брюшной и сыпной тиф 18 лет. С 16 лет жил самостоятельно—служил рабочим по дому. Во время войны в течение 3 лет работал упаковщиком на фабрике Цинделя. С 13 лет эпилептические припадки. С этого же возраста стал чувствовать половое влечение к мужчинам; к девочкам, как себя помнит, относился всегда с каким-то особенным пренебрежением. С тех пор так или иначе живет половой жизнью с мужчинами. Libido только к ним. 27 лет, женившись, он, однако, с женой в половое общение никогда не вступал. Potentia coeundi, вообще, крайне редка. Он также отмечает, что с 13-летнего возраста у него регулярно через каждые 3-4 недели появляются кровотечения изо рта, сопровождающиеся усилением головных болей и болез-

ненностью живота. В 1922 г. ему была сделана трансплантация testiculi барана, но безрезультатно. Рост 180, вес 173, индекс Lenhoffe $\frac{57100}{75}$. Череп долихоэнцефалитический, окужность 54 см. Сильное развитие тазовых костей. Отсутствие усов и бороды; слабое развитие волос подмышками и на лобке, полное отсутствие на груди и руках. Penis нормальной величины, а testiculi очень слабо развиты. Фонация женская. Ослабление остроты зрения на правый глаз. Правый зрачок шире левого и хуже реагирует. Других каких-либо отклонений со стороны внутренних органов и нервной системы не установлено. Умственный кругозор ограничен. Элементарные школьные сведения отсутствуют. Настроение неустойчивое, подвижное, часто беспокойное. Всегда он несколько взвинчен и много говорит.

Об'ект его страсти—брат гармониста Васьки, тоже гомосексуалист, передал нам следующее: с ним он познакомился, когда лежал в Солдатенковской больнице из-за опухоли спинного мозга. Шурка живет с ним. Онанирует его ртом. Шурка рассказывал, что не был взят на военную службу из-за припадков, от которых «излечился сам божественно», дав обет три года молиться; поступил в монастырь и пробыл там три года, после чего припадки прошли. Человек он нервный, обидчивый, кто скажет слово—он плачет, но какой-то особенный.

В Москве, на Петровке, на квартире, где он раньше проживал, нам рассказали, что он занимался гаданием и предсказаниями. Это и являлось источником его существования. Одна из женщин с тревогой и страхом передала нам тогда, что она умрет в 1927 году: так предсказал ей Шурка.

Каков же генез этого происшествия, каковы механизмы, пружины, заставившие разыграться эту историю.

Аффективное состояние всех, обусловленное свадьбой, вином и утомлением, благодаря почти бессонной ночи, у Нюши, как героини этого дня, конечно, выражено особенно резко. Аффективность ее усиливается благодаря тревожному ожиданию, страху первой брачной ночи. Она

гонит эту мысль, стремится хотя на время отстранить ее. Ссора с проклинающим ее публично пьяным отцом выводит ее из обычного равновесия, является первым сигналом на пути ее истеризирования. Приставание мужа решает дело. Защитные рефлексы в форме примитивных истерических (двигательных) реакций выступают на сцену. Они вытесняют неприятное, нежелаемое; они разрежают сгустившуюся для нее атмосферу; они снова возвращают ей, может быть, померкнувший в этом чаду после пьяной брани отца, пьедестал героини дня. Желание выйти из данной ситуации, таков патогенетический фактор. Проклятия отца забыты, она не будет сегодня вместе с мужем, она снова в центре внимания всех. А дальше механизмы произвольного усиления рефлексов. Она видала припадки своей кликуши-тетки. Она слыхала о порче на свадьбах. Вся свадебная атмосфера насыщена этим. А после начала припадка она сгущена до максимума. Волнение, оханье, причитанье, крики, брань, растерянность и т. п., все говорит о нечистом. Преднамеренность и цель выступает с очевидностью: „кто, кто?"— „родной", следует ответ.

В динамике развития этой эпидемии выступает со всей силой закон психической индукции, психической заразительности. „Эта могущественная сила внушения,—говорит Кронфельд[1])—всего ярче проявляется в пределах коллектива, когда он образует массу, об'единенную одним общим сознанием. Каждый в отдельности обнаруживает рассудительность, спокойствие, способность к критике и к свободному решению. В массе же отдельное лицо „пропадает", „исчезает", „растворяется". Если мы попытаемся разобраться в значении этих словесных образов, то окажется следующее: критическое отношение отдельного человека все более и более ослабевает; он не в состоянии уйти из-под власти, от психологии толпы, от преобладающей в ней идеи; его личные интересы, его личная воля парализуются, он инстинктивно и без сопротивления дает увлечь себя общим движением. Его собственное „я" все более и более вытесняется коллективным „я" толпы, одушевленной

---

1) Кронфельд. Гипноз и внушение. 1925.

или „одержимой“ властью одной мысли, одного чувства. Это массовые внушения—потому, что психологически это настоящий суггестивный аффект—проявляет необычайную силу и, очевидно, является древним наследием из доисторических времен.“

В другом месте тот же автор говорит: „эти свойства составляют историческое наследие человечества и, действуя в глубинах сознания, находятся в теснейшей связи со всеми глубинными течениями человеческой психики, которые воспринимаются нами как аффекты и чувства. Они разной силы у разных людей, они могут быть совершенно подавлены при наличии сильной надстройки критического самосознания, но всегда они представляют собой предопределенное наследие более ранних ступеней психического развития человека. Мы находим их вполне выраженными в магически-волшебных переживаниях и представлениях у диких народов. Но они могут выступать на передний план в тех случаях, когда сознательная надстройка нашего критического мышления оказывается разрушенной действием аффектов. Мы видели особенно убедительные примеры этого при рассмотрении вопроса о массовых внушениях. Мы видели, что у каждого отдельного члена толпы выключена критическая надстройка бодрствующего сознания, повышена восприимчивость к аффекту, завладевшему массой, и усилено то, что мы назвали внушаемостью“.

Психическая заразительность, конечно, тем больше, чем аффективность выражена сильнее и чем богаче язык выразительной сферы. В нашей повседневной жизни примеров тому множество [1]). Еще старые авторы отмечали особую восприимчивость, повышенную психическую заразительность при виде судорожных припадков даже и среди здоровых лиц. Вспомним пляску св. Витта в 1374 г., вспомним припадки в приемных так называемых, «инвалидов-травматиков», которые бия себя в грудь с криками «за что мы боролись», «за что проливали кровь» падают один за другим и бьются в припадке.

[1]) См. также: Кашин, «Подражательная хорея (Chorea imitatoria) в Забайкальском крае». Архив суд. медицины 1868, № 22.

Перечень и болезнь судорожных подергиваний. Москва 1893 г.

В нашем случае интересно отметить следующие два момента: во-первых, истерические реакции развиваются в большей половине случаев у лиц в общем без каких-либо отклонений в нервно-психической сфере и, во-вторых, имеется в наличии физическая готовность (в виде утомления, недостаточности сна и алкогольного опьянения). Последний момент в развитии истерических, невротических и т. п. реакций я считаю условием совершенно необходимым [1]). Мы знаем также, из опыта войны, что ослабленный психически и физически особенно поддается внушающему действию массы.

Здесь наше внимание останавливает, однако, не самый факт психической заразительности этих истерических реакций, а та форма, те узоры, которые с такой яркостью расцвели не только среди одержимых припадками, среди их близких, но и были подхвачены стоустой деревенской молвой, как категории совершенно неопровержимые. «Порча», «колдун» — таков основной стержень разыгравшейся верейской истории. Чем они вызваны, почему все содержание описываемой нами психической эпидемии банальных истерических припадков и всей атмосферы вокруг них насыщенно этим мотивом. Дело, конечно, в той почве, в тех социально-бытовых условиях, в той социально-бытовой установке тех деревенских кругов, в среде которых разыгрывается этот эпизод. Главная роль здесь принадлежит тем суевериям, которые воспитаны веками, и тем внешним условиям, при которых развертывается данное событие.

«Идеи и предрассудки, передающиеся от поколения к поколению, превращаются в фактор большой исторической силы». «Рождаясь на почве материальных условий жизни, т. е., прежде всего, на почве классовых противоречий, религиозные, как и иные, идеи лишь постепенно прокладывают себе путь, живут, в силу консерватизма, дольше, чем те потребности, которыми

---

[1]) Н. П. Бруханский. Нервно-психические расстройства в связи с туберкулезами. Курортное дело. 1925, № 11-12.

они порождены, и сходят на-нет лишь под действием серьезных толчков и потрясений» (Троцкий) [1].

Мы знаем также из опыта войны, что массовое аффективное напряжение ведет к сужению сознания и довольно однообразному его содержанию. В нем всплывают и удерживаются, главным образом, те образы, которые аффективно окрашены в наиболее чувственный тон.

«На свадьбах, ведь, всегда дух тяжелый» —такова установка всех. И, когда случился первый припадок, эта установка и решает дело.

И здесь невольно всплывает другой вопрос, чем обусловлены именно эти грезы, эти фантазии. «Фантазирует», говорит Freud [2]), отнюдь не счастливый, а неудовлетворенный, каждая фантазия—осуществление желания, корректив к неудовлетворяющей действительности". В чем неудовлетворенность той социальной группы, в среде которой разыгрались верейские события? Несколько урбанизированная [3]) крестьянская среда, но невежественная и темная по существу, с разрушенными старыми традициями, но с невыработанными новыми общественными связями, под влиянием новых веяний, ощущает свою недостаточность. Жажда чудесного, как наиболее легкого и понятного. Их грезы требуют вмешательства какой-то особой силы для превращения тусклой действительности в иллюзорный, но приятный мир [4]). Почти низвергнут бог, но царствует еще дьявол. Это является пищей их удовлетворяющей.

Описываемый нами случай аналогичен с „эпидемией истерических судорог в Подольском уезде" в 1894 г. Вл. И. Яко-

---

1) Троцкий Л. Д. Куда идет Англия? Брельсдорф и марксизм. «Известия ЦИК. СССР» 1926 № 60 (2691).

2) Freud—Психологические этюды.

3) Конечно, мы здесь говорим только об отрицательной стороне влияния большого города.

4) «Православная церковь,—пишет Троцкий,—не справившись с первобытной крестьянской мифологией, чем дальше, тем больше превращалась во внешний бюрократический аппарат, наряду с аппаратом царизма... Оттого-то корни православной церкви в народном сознании оказались столь слабыми».

венко [1]) и очень близок ко „второй эпидемии истерических судорог в Подольском уезде“ в 1893 г. д-ра Геника [2]). В том и другом случае свадьба и порча. В нашем случае мы встречаем также много сходного и с другими психическими эпидемиями, описанными Штейнбергом [3]), Климентовским [4]), Краинским [5]) и Коцовским [6]), а также Сикорским [7]) и Яковенко [8]).

---

[1]) Яковенко В. С. «Вестн. Общ. Гигиены», XXV, кн. III, отд. II.

[2]) Геника. «Невр. Вестн.», 1898 г., т. VI, вып. 4.

Его же. Третья эпидемия истерии в Московск. губ. «Соврем. псих.», 1912, август.

[3]) Штейнберг. Кликушество и его судебно-медицинское значение. Архив Суд. Медицины, 1870, № 2.

[4]) Климентовский. «Кликуши». Москва. 1860 г.

[5]) Краинский. Порча, кликуши и бесноватые. Новгород, 1900.

[6]) Коцовский. О так наз. «балтском движении» в Бессарабии. Труды Бессар. о-ва Естествоиспытателей Т. III, 1912.

[7]) Сикорский. Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах.

Его же. Психопатическая эпидемия 1892 г.

[8]) Яковенко В. С. Псих. эпидемия на религиозной почве ■ Ананьевском и Тираспольском уезд. Херсонской губ. «Соврем. псих.» 1911 г. март-апрель.

История кликушества такова: «Первоначально словами клевектати, клек, клектание означали действие, свойственное мифическим существам. В апокрифической «иисусовой» молитве XVII в. под кликаньем разумеется действие св. духа, вселившегося в человека. По мере того, как под влиянием византийских воззрений женщины стали рассматриваться как олицетворение всякого зла, как «покоище змеино, дьявол увет»—древняя вещая дева вытеснилась ■ народных воззрениях лихими бабами, чародейками, ведьмами и самое слово «кликать» получило другое значение: в XVII в. страждущие люди от нечистых духов, кликанные, стали кликать в порчах на разных людей».

Первое известие о кликушах, появившихся в Перми под именем икотниц, относится к 1606 г., но разрозненные известия о бесноватых мужчинах и женщин встречаются с XI в. и особенно усиливаются в XVI в. В XVII-XVIII в. в. распространение кликушества достигает своего апогея, чему не мало способствовало обострение суеверия под влиянием раскола (разбивка везде наша) выдвинувшего массу кликуш—пророчиц и страдалиц за веру.

Всего чаще кликушество вызывается несчастной любовью, выдачею насильно замуж, вообще женскою неволею. Обыкновенно припадки случаются с кликушами ■ многолюдных собраниях, особенно в церквах. «Одер-

Надо заметить, что идеи верования в одержимость бесов, по исследованиям Henri Meige[1]), существовали еще в дохристианскую эру. Navius[2]) рассказывает, что китайцы, одержимые богиней Ванг, ведут себя совершенно так же, как и наши бесноватые. Meige установил, что среди бесноватых черной рассы наблюдаются те же самые явления и такие же толкования.

Относительно кликушества существуют различные мнения. Большинство авторов—не врачей—и до-революционное законодательство признает кликушество «притворством, построенным частью на народных заблуждениях, частью на умышленном обмане с целью сведения личных счетов с своими врагами». Другие—Климентовский, Штейнберг, Геника и Бехтерев[3]) считают его за истерию. Краинский рассматривает кликушество, как болезненное состояние, развившееся на почве сомнамбулизма.

Изучение эпидемий, приводимых перечисленными выше авторами, безусловно подтверждает мнение доктора Коцовского, что здесь не может быть речи о каком-либо нозоологическом месте. Среди участников этих эпидемий всегда имелись здоровые люди.

С точки зрения сегодняшних знаний кликушество, «порча»—это социальная болезнь в узком смысле слова, обязанная своим происхождением историческому развитию социально-экономических отношений, так же как и демономания и инквизиция средних веков. Самый же тип реакции этой социальной болезни

жимая дьяволом» кликуша не может переносить запаха ладана, слышать евангеля, херувимской. Во время припадка кликуша, по народным воззрениям, говорит от имени дьявола и его языком; поэтому от нее можно получить тогда предсказание, разведать о пропажах и т. п. Приписывая свою болезнь «порче», кликуша обыкновенно выкликает имя того лица, которое чародейством напустило на нее болезнь». (Энциклоп. Словарь Брокгауза и Эфрона).

1) Meige H. Les posseoles dans l'antiquite. Les posseoles noires, 1894.

2) Navius John L. Demon possession and allied themas being an inductive study of phenomene of our own times. New-Iork, 1894.

3) Бехтерев. Предисловие к книге Краинского: «Порча, кликуши, бесноватые».

можно, конечно, назвать истерическим, памятуя Kretschmer'a[1]), что истерическими неврозами мы называем сегодня такие, которые содержат в себе целевой мотив и которые строятся из законов гипобулика и произвольного усиления рефлексов, и мнение Förster'a[2]) «нет истерии, как болезни, а есть только истерические реакции, и эти реакции сами по себе не болезненны,—каждый человек в большей или меньшей степени склонен к этим истерическим реакциям». «Здесь, конечно, на первом плане должно стоять духовное и интеллектуальное развитие русского народа»,—говорит Климентовский, «и без этого важного условия кликуш у нас вовсе бы не было». «Если значение этого фактора велико, в отношении психопатического элемента,— справедливо замечает Коцовский,—то тем более оно важно в отношении здоровой части населения. Ибо здесь всецело играет роль вера в дьявола, возможность изгнания его помощью отчитывания, т. е. все те элементы, из которых слагается мировоззрение совершенно темной массы населения». В прекрасном сообщении в Обществе Невропатологов и Психиатров в 1893 г., Токарский[3]), заканчивая свой доклад о «Психических эпидемиях», сказал так: «Таким образом, анализируя все возможные причины психических эпидемий, мы должны притти к заключению, что не существует ни одной достаточно могучей, чтобы она могла сама по себе породить внезапное умственное движение, распространяющееся на большое число людей, и если мы видим далеко нередкое возникновение таких движений, то они обусловливаются постоянно действующими причинами, изучение которых должно происходить в то время, когда никакой эпидемии еще не существует, так как настроение умов в спокойное время есть единственная направляющая сила тогда, когда одна какая-нибудь идея

---

[1]) Kretschmer. Die gesetze der willkürlichen Reflexverstärkung in ihrer Bedeutung für das Hysterie und Simulations—Problem. Z. f. d. Ps. u. Neur., 1918. Bd. 41, H. 4/5.

[2]) Förster. Hister. Reaktionen u. Simulation. Mon. f. Ps. u. N. XLII, H. 61, 1917.

[3]) Токарский. Отчет О-ва Невр. и Псих. на заседании 24/X 1893 года.

станет господствующей и будет искать своего выражения в действии[1]). Такое нарастающее напряжение идей представляет собою основной закон жизни; это факт, который всегда будет повторяться, и пытаться остановить выражение идей в действиях значит—пытаться остановить жизнь».

Здесь невольно напрашиваются параллели, может быть по форме и контрастные, с эпидемиями на производствах[2]). Бушо описал массовые заболевания истерического характера в 1848 году в национальных мастерских в Париже. Vigouroux et Juquelier[3]) в 1851 году на табачных плантациях в Лионе, где в мастерской, под влиянием припадка женщины, поссорившейся с мужем, в припадках забились еще 20 работниц. Шаталов в 1890 году в Московском Обществе Невропатологов и Психиатров сообщил о случае на кружевной фабрике в Москве, где в течение пяти дней заболело истерическими припадками 20 работниц в возрасте от 19 до 26 лет. Бехтерев[4]) приводит случай массового заболевания на фабриках в Берлине в 1911 году, при чем на одной из анилиновых фабрик такая эпидемия развивалась дважды и в значительных размерах. Им же подробно описаны массовые заболевания в 1914 году на рижских и петербургских фабриках, начавшиеся на «Проводнике», якобы вследствие отравления бензином. Интересно, что в Риге эпидемия распространилась на четыре фабрики («Проводник», «Каучук», трикотажную и ткацкую) и охватила 68 работниц и 4 рабочих. В Петербурге 12 фабрик (3 табачных, 5 бумагопрядильных, «Треугольник», хромолитография, машиностроительный и трубочный

---

[1]) Разбивка наша.

[2]) Здесь я, конечно, не касаюсь вопроса о массовых отравлениях или других травматических повреждениях в собственном смысле слова. См., например, Зайцева. «Свинцовое отравление на фабрике «Богатырь». Еженед. Мосздр. 1925, № 3 и статьи Смирнова, Гельмана, Фрейфельда «О массовом отравлении мышьяковистым водородом на Семеновском цинковальном заводе в Москве» 22/IX 1923. «Оздоровление труда и революция быта» 1924 г. вып. II.

[3]) Vigouroux et Juquelier. Le contagion mentale. Paris.

[4]) Бехтерев. Обозрение психиатрии, неврологии и эксп. псих. 1914-1915, №№ 7—12.

заводы), при чем больных было зарегистрировано 654 женщины и 27 мужчин. Бехтерев рассматривает это заболевание как истерическое у предрасположенных и вызванное в период рабочих волнений вследствие неблагоприятных внешних условий. Не исключая в отдельных случаях слабых отравлений профессионального характера, он приходит к выводу, что «участие профессионального отравления может играть роль лишь толчка или одного из поводов».

Осипов[1]) описывает эпидемию в том же году, захватившую несколько десятков жещин, работавших в мастерских Алафузовских заводов в Казани. «Здесь дело происходило так: вошедший в одну из мастерских молодой парень, видимо, из озорства, бросил на плиту щепотку какого-то индифферентного порошка, тотчас же у работниц начались приступы удушья, истерические судороги и параличи; заболевание перекинулось в другой корпус, в котором никакого запаха не было а болезненные явления выразились теми же симптомами».

Пузанова[2]) описала «случай эпидемии истерического характера рабочих одной из фабрик Московской губернии», 10/VI 1915 года две работницы были доставлены в бессознательном состоянии из отхожего места. От обеих был слышен сильный запах аммиака. На следующий день заболевших — трое. Чрезвычайно интересно, что «увеличение количества заболеваний в первые дни шло параллельно с принятием фабричной администрацией некоторых санитарных мероприятий». Максимум заболеваний совпадает с днем посещения фабрики комиссией врачебного управления (67 первичных и 59 повторных заболеваний)

Здесь, как и в аналогичных заболеваниях 1914 года, жалуются на головокружение, тошноту, головные боли, слабость, ненормальные ощущения в носу; в более тяжелых случаях падают в обмороки. Среди рабочих раздаются голоса, что «кто-то» это делает, их «травят», «директор — немец».

---

[1]) Осипов. Курс общего учения о душевных болезнях.

[2]) Пузанова. Случай эпидемии истерического характера среди рабочих одной из фабрик Московской губ.

Физическая готовность в виде хронического недоедания, плохих санитарно-гигиенических условий, в некоторых случаях в виде «хронического, хотя бы и незначительного самого по себе, профессионального отравления продуктами обработки и вредными испарениями» (Бехтерев) и социально-экономические отношения в связи с войной и обострением классовых противоречий (рабочие волнения) являлись теми условиями, которые имели место в период вышеописанных эпидемий.

Из эпидемий такого порядка заслуживает внимание—массовое отравление светильным газом на заводе Электролампа. Доктор Щербина[1]) так описывает это заболевание: «8 декабря 1923 года, в 9 часов 45 минут утра, т. е. спустя три четверти часа от начала работ, в третьем этаже фабрики упала в обморок работница Корявова, вслед за ней ряд других работниц почувствовали себя дурно, а среди других развилось паническое состояние.

Одновременно, во втором этаже среди работниц появились обмороки, истерические выкрики и всхлипывания. В течение 10—15 минут все работницы, частью самостоятельно, частью при помощи других, покинули фабричный корпус. Всего доставлено в больницу 63 работницы. Из доставленных ■ больницы ■ полубессознательном состоянии, некоторые не имели никакого соприкосновения с газом и впали в обморок, подвергшись психическому воздействию при виде находившихся в обмороке своих родственниц или подруг.

Так, дочь Яковлевой, ожидавшая свою мать у ворот фабрики и не входившая внутрь корпуса, при виде своей матери, упала в обморок. При исследовании у отравившихся крови на присутствие в ней окиси углерода (карбоксигемоглобин) получились отрицательные результаты.

Нам вспоминаются те две работницы, которые находились в психиатрической клинике 2 МГУ после нашумевшего, так называемого, «массового» отравления работниц в галошной

---

[1]) Щербина. Оздоровление труда и революция быта. 1924, вып. II. Щербина. Массовое отравление работниц в галошной мастерской резиновой фабрики 2 «Красный Богатырь». Еженед. Мосздр. 1924, № 51-52. См. также: Кульков. К вопросу об изучении профессиональных заболеваний Русс. Клиника, 1925, декабрь.

мастерской резиновой фабрики «Богатырь» в ноябре 1924 г. Интересно, что на следующий день, после указанного события, когда компетентой комиссией было признано возможным приступить к работе и электрическая вентиляция была в полной исправности, через 10 минут после начала занятий «многие работницы почувствовали себя вновь дурно и некоторые из них потеряли сознание; пострадавших было 43 человека. Обе работницы, находившиеся под нашим наблюдением, были с типичными картинами истерических реакций. Поза и какая-то своеобразная гордость и величавость, что они с завода Богатырь, особенно бросались в глаза в болезненных проявлениях, достаточно было фиксировать внимание и произвольное усиление рефлексов выступало чрезвычайно ярко.

Итак, механизм всюду один. Физическая готовность и повышенная аффективность, на основе которых истерические реакции с произвольным усилением рефлексов, распространяющиеся в силу психической заразительности, индукции, на большее или меньшее количество лиц. Все это вырастает на почве социально-экономических и бытовых отношений, характерных для той или иной определенной эпохи. Ими определяется различие в содержании идей, которыми окрашено оно, и даже в известной мере и в форме, в которую выливается данное явление. В отсталой темной деревне развитие психической эпидемии идет по пути «порчи, колдунов, обновления икон» и т. п., в мало-культурной рабочей среде несет на себе профессиональный оттенок, в мелкобуржуазных городских слоях выливается в форму спекулятивной горячки, например, по перепродаже «воздуха», как говорили в Москве в 1922/23 г. и т. д.

С точки зрения конкретно-исторической психические эпидемии есть результат того или иного общественного уклада. Конечно, было бы весьма интересно проследить зависимость развития и формы их от определенного социально-экономического строя. Хотя, мы и ограничили в этом очерке нашу задачу вопросом о механизмах психических эпидемий, но все-

таки мы считали бы необходимым поставить также вопрос о зависимости тенденций к повышенной психической заразительности (психическим эпидемиям) от переходных эпох. Он, конечно, требует своего специального и, нам кажется, весьма интересного и продуктивного исследования. Уже поверхностное знакомство с социально-экономическими кризисами и историей культуры в различные эпохи позволяет говорить об этом: так, например, плясовая одержимость в XIV веке—в эпоху первой консолидации феодального строя, демономания (эпидемия одержимости) в XV и XVI веке, явления раскола (бегуны, самосжигатели и т. п.) в эпоху реформ Петра и т. д.

В связи с этим был бы весьма интересным и анализ характера психических эпидемий в зависимости от социального состава, или может быть, иначе, в зависимости от установки на старый или новый порядок, участвовавших в них. Нам думается, что по многим основаниям, исходя из опыта нашей революции и тех революционных процессов, которые сейчас потрясают весь мир, а также из опыта истории, можно говорить, что в переходные эпохи среди отживающих свой век социальных групп, среди связанных со старым порядком, психическая заразительность развивается в направлении изуверств в широком смысле этого слова, с акцентом на мистической установке, в социальных же слоях, которые в силу социальных и политических условий призваны жизнью к активности, но которые по существу еще находятся на ступени индивидуалистического бытия—в направлении анархических выступлений, конечно, тоже в широком понимании этого слова (напр. хулиганство).

О ХУЛИГАНАХ.

«В основе нашей «психической» деятельности лежит рефлекс, а потому и все наши поступки определяются процессами рефлекторными, следовательно, непроизвольными. В бодрствующем состоянии активными являются лишь определенные **доминирующие** образы, которые роковым путем, рефлекторно в силу цепи разнообразных прежних сочетаний и раздражений момента, определяют работу других клеток. Если бы у человека была возможность вопреки этому механизму свободно проявлять свою **волю**, то каждый из нас представлял бы из себя анархиста в самом худшем смысле этого слова. Доминирующее представление о необходимости подчинения определенному кодексу роковым образом укладывает поведение в строго определенное русло, за выход из которого ожидается то или иное наказание... В связи со всем этим и каждый шаг в нашей жизни является вынужденным и предначертан определенной индивидуальной реакцией. Мы всегда во власти той или иной доминанты».—Так в нескольких удачных фразах проф. **Платонов** говорит о поведении человека. С такою меркой и следует подойти к злободневному вопросу о поведении обвиняемых по ст. 176, к оценке их личности в целом, а также к отдельным реакциям, к отдельным состояниям их.

Прежде всего следует сказать еще раз то, о чем говорилось уже не раз. Нельзя в понятие о хулиганстве валить буквально все, как это наблюдалось за последнее время. Хулиганство в концепции ст. 176[1]) понятие весьма ограни-

---

[1]) В Уголовном Кодексе редакции 1926 г. ст. 74, аналогичная ст. 176 редакции 1922 г., изложена так:

Хулиганство, т. е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу, действия, совершенные в первый раз,—

лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившего указанные действия не было наложено административного взыскания.

ченное. Не надо забывать, что другие статьи Уголовного Кодекса вполне достаточно определяют личные и имущественные права как отдельных граждан, так и общества: оскорбление словом или действием, телесные повреждения и насилия над личностью, разрушение вещей.

Естественно возникает вопрос, что же собою покрывает понятие о хулиганстве? «Хулиганство», гласит ст. 176 «т. е. озорные действия, сопряженные с явным неуважением к обществу в частности буйство и бесчинство», т. е. такие действия, которые связаны с нарушением установленного в данное время данным обществом порядка, с нарушением правил быта и труда, принятых обществом, в тех пределах, однако, которые не подпадают под другие статьи УК. Хулиганство—понятие бытовое.

И если «бесчинство» служит признаком, отграничивающим и поясняющим понятие об «озорных действиях», то совершенно непонятным является второй, указанный в ст. 176, признак—«буйство». Разве понятие об озорных действиях покрывает понятие о буйстве? Конечно, нет. Разве они совпадают? Тоже нет. Понятие о «буйстве», я бы сказал, слишком скользкое, чтобы его вносить в терминологию кодексов. Я лично совершенно убежден в том, что никогда и никто не видел буйства, как нормальное, не патологическое явление.

Далее, что лежит в основе «неуважения к обществу»? Отрицание того, что им установлено, «ликвидация прав человеческого общества», как об этом метко сказал Сосновский. «Хулиганство», еще в 1915 г. писал профессор Трайнин, «следовательно, характеризует не внешний мир действий и фактов, а мир внутренних психических переживаний... Хулиганство может привести к самым разнородным преступлениям. Поэтому нет хулиганских преступлений в том смысле, как имеются преступления против

Если означенные действия заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью,—

лишение свободы на срок до двух лет.

личности и против имущества, преступления тяжелые и легкие; есть лишь преступления, совершаемые хулиганами, или, точнее, преступления, совершаемые в состоянии хулиганства...»

В главной массе случаев, неотягощенных нервно-психическими заболеваниями, отравлением алкоголем и т. п., хулиганы — безусые мальчики 17—19 лет, мало развитые, примитивные личности, с их непосредственными реакциями на внешние раздражения, с их повышенной внушаемостью и т. п. Примитивность и малое развитие както особенно резко бьет в глаза даже при грубом знакомстве с этой группой хулиганов. Динамику, механизмы поведения этого типа подростков так прекрасно вскрывает врач-мыслитель Лесгафт в своей классической работе «Воспитание ребенка»: «Недостаточное развитие мысли не дает молодому человеку возможности справляться с значительно усилившимся чувствованием, а также с новым ощущением, появляющимся совершенно незаметно, как бы крадучись. У молодого человека не хватает достаточно сил[1]), чтобы сознательно относиться, сознательно задерживать и направлять появляющиеся у него растительные чувствования; поэтому он усиленно рефлектирует и производит ряд несообразных действий. Неуменьем дисциплинировать свое тело и вообще управлять собой легко об'ясняются все наблюдаемые у него явления, в особенности, если к этому прибавить еще неблагоприятные влияния со стороны окружающих лиц, которых он обыкновенно первоначально имитирует, не рассуждая над тем, что делает. Главное основание, которым он руководствуется, можно формулировать таким образом: все, что ему нравится, он делает и избегает всего того, что в каком-либо отношении связано для него с неприятным ощущением. Так как таким побуждением руководствуется и животное в своих отношениях ко всему окружающему, то это показывает, на какой степени развития находится молодой человек, руководствующийся

---

[1]) Разбивка везде наша.

в своих действиях приведенным основанием. Отсюда понятны как наблюдаемые у него имитационные явления, так и то, что он захватывает и присваивает себе все то, что на него производит более сильное впечатление. Это не сознательное «воровство», а рефлекторное захватывание того, что его сильнее раздражает. Его слова, ломанье и несообразные действия либо рефлекторны, либо имитационны. Умственное развитие у него еще настолько недостаточно, что он не может руководствоваться мыслями, он не привык чем-либо сдерживать себя и направлять свои действия общими образами или положениями, им самим выработанными. Если молодые люди данного периода развития собираются для общих и совместных действий, то это представляет явление стадное, производимое под влиянием одного из них, отличающегося более живым темпераментом; такой коновод обыкновенно мало разборчив в своих действиях и вследствие грубого нрава стремится к сильным впечатлениям и к постоянной их перемене».

Разве это не копия с нашего современного юноши-хулигана?

Лесгафт, как и всегда, резко подчеркивает «изменение форм и отправлений физиологических и психических» и значимость неблагоприятных внешних условий. Я здесь добавил бы только то, что сама примитивность и недостаточность умственного развития, часто встречающаяся у юношей нашего времени, во многом может быть об'яснена задержкой развития в связи с тем истощением, которое было обусловлено инфекциями и голодом последних лет и таким образом является фактором нажитым и вместе с тем, в широком биологическом смысле, органическим недостатком. За то, что это именно так, говорит весьма убедительно внешний вид, телосложение изучаемых подростков. Инфантилизм — такова печать времени на них.

Касаясь вопроса о пубертатном периоде надо отметить, что яркий эгоцентризм, противопоставление своего «я» окружающему, лабильность самочувствия и волевых проявлений в связи

с постоянно меняющейся оценкой взаимоотношений между «я» и внешним миром и особенно отдельные гебефренические черты, которые как-то причудливо вкраплены,—довольно типичные признаки возраста полового созревания, несмотря на то, что здесь мы встречаем большие индивидуальные вариации. Пубертатный период справедливо называют *критическим*. Трудно провести здесь границу между нормой и патологией.

Неясно осознаваемая собственная недостаточность приводит юношу к необходимости самоутверждения, хотя бы в глазах других. Но у него не хватает достаточных сил, чтобы итти в ногу с жизнью, и на сцену всплывают *механизмы сверхкомпенсации* в виде бравады, удали, выражающиеся в озорстве и бесчинстве, о которых идет молва по всей округе.

Все сказанное позволяет притти к заключению, что *хулиганские действия* в молодой возрастной группе в большинстве случаев являются ничем иным, как *реакцией специфических свойств периода созревания (возмужалости), лежащих у обвиняемых по ст. 176 У. К. на грани физиологического и паталогического, на неблагоприятные внешние условия.*

Отсюда следует, что вопрос об уголовной ответственности за хулиганские преступления в молодой возрастной группе не должен быть разрешаем только в количественном соотношении судебно-исправительных мер от возраста, несравненно важнее различение качественное. Биологически несозревший не может подлежать нормам, хотя бы и уменьшенным, установленным для взрослых. Здесь нужен качественно иной подход и иные меры. И не случайно, что в Америке — этой теперь классической стране убийств, в 20 штатах принят возраст в 18 лет, а в штатах Арканзасе и Калифорнии возраст юридического несовершеннолетия повышен до 21 года— рубеж до достижения которого правонарушитель предается не общему, а специальному суду.

К этой группе непосредственно примыкают *хулиганские действия женщин с расстройством настроения в пред—и менструальные дни.* На эту

сторону вопроса следовало бы вообще обратить большее внимание. В своем исследовании вопроса о самоубийцах я подчеркивал значение этого момента. Среди женщин, обвиняемых по ст. 176 (очень незначительная группа вообще!), он также выступает сравнительно ярко. Нам, например, пришлось видеть дважды осужденную в 1926 г. по ст. 176, которая оба раза разбивала стекла в магазинах без каких-либо психологически понятных мотивов, исключительно в силу болезненного расстройства настроения в связи с предменструальным периодом, который у нее вообще всегда в этом отношении неблагополучен. Еще одна деталь в этом вопросе... Всем хорошо известна связь менструального периода с сексуальной раздражимостью, с сексуальными эксцессами. Однако, как часто, она остается в тени. А вместе с тем, несомненно, что не только в некоторых случаях она кладет свой отпечаток, но и выявляет самые правонарушения. Мы видели двух молодых и одну уже на грани заката, в бальзаковском возрасте, женщин, преступления которых заключались в том, что они обнажали себя и цинично ругались в присутствии тех, с которыми раньше были в половой связи. Хотя «озорные действия» и налицо, но здесь все так интимно сложно, что осуждение по ст. 176 У К вряд ли повлечет за собою исправление или явится профилактическим средством.

И, наконец, довольно обширная группа, где хулиганские действия вырастают и являются следствием психопатологических свойств личности и должны расцениваться как психопатологические реакции. Эпилептики, взрывчатые психопаты, антисоциальные, травматики, схизофреники, хронические алкоголики — вот представители этой группы, в преступлениях которых — психическое уродство играет решающую роль. В этой группе случаев интересным и практически важным является вопрос о произвольном усилении рефлексов. Оно в большей части случаев несомненно. Сознание возможной безответственности и безнаказанности, как некая привилегия, не только часто растормаживает, но и усиливает хулиганские тенденции. Особенно это резко выступает у тех, кто снабжен соответствующими медицинскими свиде-

тельствами. В большинстве таких случаев, я думаю, полезно считать их по суду ответственными, но ограничиваться короткими сроками заключения. Главное здесь — не дать внедриться в сознание, не выработать условный рефлекс на безответственность.

Что привело к довольно резкому скачку кривой хулиганских правонарушений за последнее время? Здесь я не буду останавливаться на тех, всем хорошо известных, неблагоприятных внешних условиях в связи с войной, напряженном экономическом положении, а отсюда беспризорщине в широком смысле слова, и т. п. *явлениях переходного времени*, в окружении которых росла и воспитывалась главная масса современных хулиганов. Повидимому, среди этих условий избыточное население в деревне является одним из решающих факторов. Я хотел бы сказать о двух только моментах, которые, может быть, недостаточно еще учитывались, но которые имели, по моему мнению, существенное значение в этом прискорбном явлении нашей жизни. Это — во-первых, развал *семьи* и, во-вторых, *обесценение личности*.

Проф. *Савич*, цитируя *Бухарина*: «Есть основание полагать, что в коммунистическом обществе вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщин исчезнут и проституция, и семья» (Теор. истор. матер. Изд. 3, стр. 170), пишет.: «Итак, *Бухарин* ставит на одну доску и семью, и проституцию. Конечно, о проституции не будем спорить, зато относительно семьи никак нельзя не протестовать. Склонность матери к своему ребенку врожденная, и только страшный голод может порой извратить эти реакции. Мы видели огромную роль семьи в появлении социальных навыков. Поэтому необходимо как можно бережнее относиться к семье. Тут мы базируемся на сильных инстинктах женщины: у матери свой ребенок милее всего. Общество, где отцы будут дезертировать от жен, воспитывающих без их помощи ребят, вряд ли может процветать. Непременно проявится великий развал. Мы видим, что как раз в периоды высокой моральной мощи народа семья крепка, и также видим всегда расхлябанность семейных отношений в смутные эпохи.

Несомненно, подобное сопоставление семьи и проституции, как это сделал Бухарин, и поощряет ту идеологию общей распущенности, с которой нашла в себе мужество бороться Смидович и которая приводит в конце концов к нравам Чубарова переулка.

Что-нибудь одно: или семья является чем-то чрезвычайно важным, или все это ерунда одна. Но так неизбежно воцарится своеобразная идеология, что комсомолка всегда должна удовлетворять похоть своего товарища, иначе она — де мещанка.

Для меня сопоставление Бухарина—яркий образчик постройки быта из сознания, из теории, а не из фактов. И, как всегда, это ведет к развалу. Физиологический подход дает лучшее понимание и тем избегает грубых ошибок, за которые должна расплачиваться молодежь: он всегда выходит из быта, из факта» [1]).

Проф. Савич неправ, когда он говорит, что Бухарин ставит на одну доску семью и проституцию. Из цитируемого из „Теории ист. матер.» вовсе это и не следует, а можно только заключить, что Бухарин рассматривает семью и проституцию, как явления, определенным образом связанные с экономическим строем. Понятие о семье биосоциальное и трудно решить на каком из составных слов его нужно ставить акцент. Но, во всяком случае нельзя, конечно, игнорировать, как это делает Бухарин, биологическое содержание в понятии о семье. Значимость и ценность физиологического подхода в оценке таких явлений как семья, на которые указывает Савич, бесспорны. Отсюда вытекает и необходимость бережного отношения к семье.

В основе социалистической морали лежит сознательное участие личности в построении такого социального коллектива, где каждый на своем месте, как бы оно ни было скромно, служит великому целому. Для социалистической морали нужна «узда», которая может быть выработана только путем длинного и сложного ряда условных сочетаний, сложного ряда надстроек.

[1]) Основы поведения человека. Изд. «Прибой» 1927 г.

К сожалению, мы должны констатировать, что понятие о коллективизме в некоторых кругах слишком вульгаризируется в направлении грубой фамильярности и упрощенства. Отсюда почти полное пренебрежение индивидуальностью, отсутствие уважения к личности, внимания к ней. И, как следствие всего сказанного—«комсомольское ницшеанство» и знаменитая «теория стакана воды», о которой уже давно предостерегающе сказал Ленин.

Таким образом, пробивающее себе пути понятие о коллективизме, как высшей форме нравственности, в некоторых социальных группах, стоящих еще по существу на базе индивидуалистического бытия и мелкобуржуазного хозяйствования, искажается или остается на том уровне нравов, на котором еще, по существу, господствуют стадные инстинкты.

К этой же категории явлений надо отнести и обесценение жизни в эпоху войн и обостренной классовой борьбы. Скажу только несколько слов о значении его в хулиганском вопросе, вернее в вопросе об этиологии хулиганства. Тов. Луначарский пишет: «Война есть дикая вещь, и мы ненавидим ее, мы прибегаем к ней поскольку мы вынуждены к этому звериной природой наших врагов, и, конечно, убивание людей, хотя и во имя самой высокой цели есть занятие ожесточающее и огрубляющее, легко могущее толкнуть менее сознательные элементы к бандитизму и хулиганству и просто к крайней грубости нравов».

Чем рискованнее, запретнее поступки,—тем они привлекательнее. Этот момент в мотивации преступления, вообще, играет немалую роль, в хулиганских же действиях он выступает особенно ярко. «Азарт», «спорт»—красной нитью проходят через хулиганские дела.

Ряд отрицательных условий, неизбежных для переходного времени, не только предопределил в некоторых социальных слоях рост кривой хулиганских преступлений и самый характер их, но также во многих случаях (самая большая группа хулиганов вербуется из молодежи) способствовал формированию той психофизической организации суб'екта (задержка в развитии, как фактор нажитой), которая в силу ослабления способности сопротивления, в силу некоторого дисгармони-

ческого развития сложных условных рефлексов, необходимых для приспособления к окружающей среде, явилась наибблее благоприятной почвой для хулиганских проявлений, по своей природе весьма близких к вообще некоординированным реакциям периода созревания, но только в силу тех же условий каррикатурно усиленных.

Исходя из этих предпосылок, мы можем не только ставить с полным основанием бодрый прогноз, но вместе с тем и совершенно уверенно применить и определенные профилактические и терапевтические мероприятия. Среди них мы особенно рекомендуем бережный индивидуальный подход при рассмотрении каждого дела.

ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ ГРУППАМИ.

За последнее время все чаще и чаще в газетах появлялись сообщения из самых разнообразных мест Союза об изнасилованиях группами. Мы далеки от мысли в этом видеть только знамение времени, расценивать это явление, как специфическое только для наших дней. Такая точка зрения, конечно, была бы ошибочной. Но об'яснять эти сообщения в ежедневной прессе только ударной кампанией на хулиганском фронте, как это пытались делать некоторые, тоже, по нашему мнению, является по меньшей мере близорукостью. Бесспорно, такая кампания, кстати до нельзя, как мы уже говорили, расширившая самое понятие о хулиганстве заострила общественное внимание на этом больном вопросе нашей современности.

К сожалению, мы не встретили указаний по интересующему нас вопросу в судебно-медицинской литературе, где имеется лишь несколько случаев описания повреждений у потерпевших. В этом отношении заслуживает внимания замечание проф. П. А. Минакова, крупного авторитета в судебно-медицинских вопросах, что за 35 лет его научной деятельности в дореволюционное время ему лично пришлось познакомиться только с одним случаем изнасилования пятью пьяными одной гражданки уже в преклонном возрасте.

Поэтому интересно изучение «Сводов статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест». Оно позволяет заключить, что изнасилования совершенные не единолично были довольно постоянным явлением русской действительности и в довоенное время. Так, в своде за 1913 г. на 831 мужчину и 2 женщины осужденных за изнасилование, обольщение и похищение женщин, 405 совершили преступление единолично и 426 мужчин

и 2 женщины совершили преступление в сообществе [1]). Таким образом, изнасилования группами бывали и раньше, но не в той форме и не в тех размерах, как теперь.

По отчету Уголовного отдела Московского губернского суда в 1925 году, т. е. в период времени, когда кампания против хулиганства на страницах повседневной прессы еще не была развернута, на дела об изнасиловании группами падало 9% всех дел в области половых преступлений. Процент несомненно очень высокий, который требует самого пристального и углубленного изучения.

---

[1]) Нелишним считаем привести некоторые сведения о них.

Возраст и семейный быт.

	Общее число осужденных.	Семейный быт				
		холостых и девиц.	состоящих в браке		вдовых	
			без-детн.	имеющих детей.	без-детн.	имеющих детей.
От 10—14 л. мужчины .	2	2	—	—	—	—
женщины .	—	—	—	—	—	—
От 14—17 л. мужчины .	61	61	—	—	—	—
женщины .	—	—	—	—	—	—
От 17—21 г. мужчины .	304	272	18	14	—	—
женщины .	—	—	—	—	—	—
От 21—25 л. мужчины .	162	125	13	24	—	—
женщины .	1	1	—	—	—	—
От 25—30 л. мужчины .	158	71	24	61	1	1
женщины .	—	—	—	—	—	—
От 30—40 л. мужчины .	100	14	15	65	4	2
женщины .	1	—	—	1	—	—
От 40—50 л. мужчины .	29	5	2	20	—	2
женщины .	—	—	—	—	—	—
От 50—60 л. мужчины .	12	—	—	9	1	2
женщины .	—	—	—	—	—	—
От 60—70 л. мужчины	1	—		1	—	—
женщины .	—	—	—	—	—	—
Неизвестно мужчины .	2	2	—	—	—	—
женщины .	—	—	—	—	—	—
Итого мужчины .	831	552	72	194	6	7
женщины .	2	1	—	1	—	—

По роду занятий они распределялись так: промышленность добывающая — рабочие—7; сельское хозяйство — рабочие — 339 (1 женщина), хлебо-

Весьма показательно и то, что Уг. Код. редакции 1926 г. в ст. 153, ч. II предусматривает изнасилования группами, тогда как аналогичная статья 169, ч. II редакции 1922 г. не упоминала о них ни слова. От этих изнасилований, предусмотренных главой о «Преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» наш Уг. Кодекс резко отграничивает изнасилования во время массовых беспорядков (ст. 75, ч. I ред. 1922 г. и ст. 59² ч. I ред. 1926 г.), относимых в главу о «Преступлениях против порядка управления».

Изнасилования группами при погромах, в военное время при захвате селений и городов и т. п. довольно постоянное явление, которое может быть прослежено в глубь веков. Здесь все определяется главным образом тем, что насилие, специально воспитанное всеми предшествующими условиями и обстановкой, достигает своего апогея в психологии массы; благодаря внушаемости и импульсивности превалирующим тогда, оно стушевывая и подавляя индивидуальность, становится доминантным свойством толпы и личности; и тем, что, в силу часто об'ективных условий, преступления таких насильников определяются сознанием своей безнаказанности, в н е з а к о н н о с т и. Таким образом, здесь специальные правила, регулирующие половые отношения, совсем иные или, вернее, они совсем отсутствуют.

Чтобы понять современные изнасилования женщин группами, которые нас только и интересуют в этой работе, мы невольно должны остановиться на некоторых моментах, которые, собственно говоря, и определяют их и, прежде всего

пашцы — 232, хозяева, арендаторы, администрация—2; обрабатывающая промышленность: а) ремесленники—рабочие—61, хозяева и управляющие—22, б) фабричные и заводские—рабочие—26; строительное производство—рабочие—22, хозяева и администрация—1; торговля: а) крупная—приказчики и мальчики—6, б) лавки—приказчики и мальчики—15, хозяева 11; разносная—2; трактирныя хозяева—3; перевозочная промышленность—рабочие 15, хозяева и администрация—4; поденщики и чернорабочие—28; нематериальное производство: а) государственная и общественная служба—11, литераторы, учащие и художники—7; личная прислуга—8; неопределенные занятия—9 (1 женщина).

Место совершения преступлений: Петроград—12, Москва—3, в городах с населением свыше 10000 жителей—17, в других городах—61, в уездах—740.

на вопросе о биологической или вернее социально-биологической сущности насилия,—ценности его во взаимоотношениях полов. Не случайно ведь принято говорить, что мужчина берет женщину. Как часто, даже любящая и сочетавшаяся браком в первую ночь оказывает сопротивление и ее нареченный преодолевает его с некоторым и психическим и физическим воздействием. При половом акте женщина, как бы она ни была страстна и активна, все же она в общем является пассивной стороной.

«В общении полов, говорит Krafft-Ebing, на долю мужчин выпадает агрессивная роль, тогда как женщина сохраняет пассивное оборонительное положение. Для мужчины составляет большой соблазн завоевать женщину, покорить ее, и в ars amandi неприступность женщины, пребывающей в оборонительном положении до того момента, когда она отдается, является фактором, имеющим высокое психологическое значение. Нормальный мужчина, следовательно, видит себя стоящим перед препятствием преодоление которого составляет его задачу и облегчено самой природой, наделившей его для такой цели агрессивным характером». И если мы обратимся к жизни животных, то такой крупный исследователь в сравнительно-исторических вопросах сексуальной биологии как Роберт Мюллер говорит: «Самая ожесточенная борьба из-за самки наблюдается среди обезьян, оленей, диких лошадей, быков, ланей, диких коз, овец, кенгуру и тюленей. Половое сближение всех этих животных носит очень бурный характер. При этом олени, жеребята, быки, козлы, обезьяны и др. поступают с самками самым безжалостным образом: они кусают их, толкают и травят». В другом месте в книге того же автора, мы находим следующее: «Несомненно, что акты изнасилования встречаются среди различных пернатых; примером может служить индюк. В тех случаях, когда индюшки несутся или не подпускают к себе индюка, последний не стесняется насильственно добиваться взаимности у кур, уток или гусынь. Причем акт совершается с такой силой, что жертва страсти индюка погибает».

Krafft-Ebing говорит: «Завоевание женщины совершается в настоящее время в утонченной форме ухаживания,

обольщения, хитрости и т. п. Но из истории культуры и из антропологии мы знаем, что бывали времена и существуют еще народы, у которых домогательство любви заменяется грубым насилием, похищением, даже приведением женщины в беспомощное состояние путем нанесения ударов. Возможно, что атавистические возвраты к такого рода наклонностям способствуют вспышкам садизма».

В интересной статье М. Косвен, описывая половые отношения у туземцев Австралии (есть некоторые основания условно относить их к людям середины каменного века), между прочим, останавливается и на изнасиловании женщины группой: «Приведем ряд описаний женского посвящения, начиная с сообщенного Ротом обряда квинслендских племен, который кажется нам наиболее примитивным. К этому обряду и сводится здесь вся церемония «посвящения» девушки.

Когда девушка достигает зрелости, двое-трое мужчин надлежащего брачного класса, застигают ее в то время, когда она находится одна в лесу, хватают, валят на землю, и один из этих мужчин рукой расширяет vagina. Вслед затем эти люди и сбегающиеся со всех сторон другие мужчины того же класса обладают ею. Таким образом, как подчеркивает Рот, все мужчины соответствующего класса могут иметь доступ к девушке после «посвящения». Как мы видим, эта процедура представляет собою организованное изнасилование девушки, достигшей половой зрелости и имеет вполне отчетливый чисто сексуальный характер. Иного содержания здесь нет, и прав Рот, называющий эту сцену оргией».

Таким образом, самый половой акт включает в себя элемент насилия. Эта сторона полового влечения, в основе которой лежит стремление к индивидуальному удовлетворению, уже в ранней стадии человеческого общества вступила в конфликт и посейчас не примиренный, с другой—в основе которой лежит социально-биологическое свойство человека—стремление к размножению, с вытекающими отсюда чрезвычайно сложными взаимоотношениями полов и регулирования их обществом. Право половой неприкосновенности становится незыблемой нормой человеческого общества, но вместе с тем в глубинных, первобытных слоях

нашей психики еще теплится огонек стремлений к индивидуальному удовлетворению через насилие, который иногда при благоприятных условиях эндогенного и экзогенного характера вспыхивает ярким пламенем.

«Так как природа назначила мужчине агрессивную роль в половой жизни, говорит Krafft-Ebing, то для него существует постоянная опасность преступить границы, налагаемые на него в этом отношении обычаями и законами».

Приблизиться к пониманию изнасилований группами можно только в разрезе исторического развития социально-экономических отношений, классовых противоречий, при учете условий переходного времени наших дней. Подавляющее большинство участников изнасилований группами по своему социальному происхождению и принадлежности—крестьяне и рабочие; преимущественный возраст их 17—24 года. Историческое развитие социально-экономических отношений у нас в России с ее крепостным правом, сменившим его капитализмом с системой полицейского режима и насилия оставили слишком горькие переживания и обиды, вошедшие в плоть и кровь порабощенных классов; обезличение и невежество, отсутствие культурных навыков и уважения достоинства личности, веками воспитанные—все это, с одной стороны, задерживало развитие на примитивных ступенях, с другой повышало напряженность накапливаемой энергии, не находившей себе нормального выхода и применения; революция эмансипировала ее. Бурная реакция потрясла мир. Но вскоре пришли трудные дни строительства, режима экономии в государственной и личной жизни. Потребовалось от всех и каждого колоссальное напряжение сил, чтобы итти в ногу с ритмом жизни, не оторваться от нее, уметь приспособиться, воспринять то мироощущение и миропонимание коллектива, которое выкристаллизовывается в нашем Союзе. И в этот «переломный характер нашей эпохи,—как говорит т. Крыленко,—когда все старые традиции, авторитеты, привычные воззрения, моральные, этические и политические нормы все было сметено вихрем революции»,—«было бы странно,—замечает Н. А. Семашко,—ожидать, что среди населения, которое царизм держал веками в тройных цепях,

не «*развяжутся* после падения царизма *элементарные инстинкты*» [1]).

Вот эти элементарные инстинкты в своем зверином, ничем не прикрытом виде с особенной выпуклостью выступают как-раз в изнасилованиях группами. Но формы, узоры, которыми они расцвечены, психологическая мотивация их в различных случаях различны. Дать картины их, попытаться наметить то, что их различает и то, что их об‘единяет, попытаться наметить типы их—такова задача настоящей работы. Мне, как эксперту, пришлось принять участие в целом ряде аналогичных дел. Я приведу наиболее типичные из них.

Возле Биржи Труда торгует квасом, семечками бойкая, разбитная, совсем еще юная Лиза. Ее хорошо знают многие из регистрирующихся и ищущих труда. Она перекидывается с ними при встрече короткими фразами, переглядывается и благодаря этому имеет довольно широкий круг покупателей. К ней почти каждый день заходит ее подруга Клавдия 18 лет, тоже смазливая девушка, тоже в модной короткой юбке, с завитками волос на ушах, с накрашенными губами и напудренным лицом. Отец ее—моссельпромщик, брат—уже больше года сидит в тюрьме. 5 месяцев она без работы, получает 15 руб. пособия. На Бирже она и познакомилась с Лизой. Там расширила и круг своих знакомых. Биржа для нее словно клуб, где отдыхала и развлекалась она, хотя для регистрации должна бы была являться всего только один раз в месяц.

28 мая 1926 года Клавдия, придя, как всегда на Биржу, встретила Лизу. Та предложила Клавдии поехать с ее знакомыми Владимиром и Василием и еще двумя их знакомыми, ей неизвестными, куда-нибудь на дачу купаться. Она охотно приняла предложение, и все шестеро отправились в Кунцево. Перед поездкой Владимир с товарищами выпили $1^1/_2$ бут. водки и несколько бутылок пива. Кроме того, вино также захватили и с собой.

Прибыв туда, вся компания отправилась к реке. Все разделись, за исключением Василия и стали вместе все

---

[1]) Разбивка наша.

купаться, со смехом, шутками, возней, лапаньем и кувырканьем. После купанья вернулись в парк, стали все выпивать. «Все пили, а что я святая»—говорила на суде шустрая Лиза.

Владимир стал уговаривать Клавдию пойти с ним в лес. Отойдя всего на несколько шагов от компании, продолжавшей сидеть на траве, и зайдя за кусты, он ее повалил. Схватив за горло и нанося удары, порвал ей панталоны, пытаясь иметь с ней сношение, несмотря на ее сопротивление, плач и крики: «пусти... Лиза, подойди сюда». Но... Лиза в это время сидела с изрядно уже опьяневшим Василием и сперва не обратила на крики внимания, а затем, когда приблизившись увидела, как Владимир лежит на Клавдии... тоже осталась безучастной, так как Клавдия, по ее мнению, «знала зачем едут купаться». Двое же других мужчин пошли на станцию что-то купить. У Владимира, по словам потерпевшей, ничего не вышло, он встал, плюнул и сказал: «ничего не сделалось».

После того, как Клавдия в слезах вернулась к компании, Лиза, видя, что она грязна, предложила ей пойти к речке умыться. Клавдия же стала просить Лизу вернуться домой в Москву. Уйти от компании им, однако, не удалось, так как находившийся здесь же Василий, подойдя к Клавдии, увлек ее в парк, схватив при этом за горло и за руки.

Несмотря на ее сопротивление и крики о помощи, Василий, повалив ее на землю и подняв платье, пытался тоже насильственно иметь с ней сношение, но был стащен случайно проходившим красноармейцем.

При освидетельствовании Клавдии 28/IV-26 г. дежурным врачом Сетунской больницы было обнаружено, что вход во влагалище имеет ушибленные края и небольшой надрыв, что для врача послужило основанием сделать вывод об имевших место попытках к половому сношению. Эти данные нашли полное подтверждение и при повторном освидетельствовании Клавдии 29 мая судебно-медицинским экспертом, осмотр и заключение коего сводятся к следующему: в области нижней челюсти обнаружена краснота

и царапины, на правой щеке два кровоподтека синеватого оттенка, на левом предплечье кровоподтек в 4 см, на левой ягодице и на левом бедре ссадины. Девственная плева с обеих сторон имеет свежие надрывы, не доходящие до основания, при чем края надрывов кровоподтечны. По заключению врача время повреждения девственной плевы соответствует показаниям потерпевшей, при чем повреждение это могло произойти от полового сношения или от попытки к таковому. Ссадины и кровоподтеки свидетельствуют о насилии.

На основании изложенного были преданы Московскому губернскому суду В-ев Владимир по ст. 169-й У. К. и Ч-ев Василий по ст. 14-й и ст. 169-й У. К.

В-ев Владимир, 20 лет, уроженец Орловской губ. Его отец, мать и брат рабочие Моск. ком. хоз. Он рос здоровым, бойким мальчиком, но без присмотра, почти все время на улице. Окончил 4-х классное городское училище, учился плоховато. Рано начал пить, лет 15 познакомился с женщинами. Примерно с этого же возраста он вступил в конфликт с уголовным законом. С 1 января 1921 г. он уже четыре раза судился за хулиганство, один раз за кражу и один раз за мошенничество, и дважды был высылаем из Москвы. В промежутки пробовал работать — сам себя считает монтером по установкам слабого тока. В-ев — здоровый детина, с довольно неумным выражением лица. На руках и груди татуировка. Интеллект невысокий. Кругозор и запас общих сведений скуден. Этические и моральные представления в самом зачаточном виде. Развязный, грубый, легко-возбудимый и тогда злобный человек. В местах лишения свободы—довольно часто «тюремные скандалы» с последующими истерическими припадками.

Ч-в Василий, 31 года, уроженец Тульской губ. Тяжелое наследственное отягощение: дед по отцу постоянный абориген Преображенской больницы, отец — кустарь, пьяница, лежал по поводу белой горячки в психиатрической больнице; старшая сестра, повидимому, страдает схизофренией, несколько раз была в психиатрических учреждениях; мать легко-возбудимая и необузданная в гневе.

Василий в семье 7-й по счету. В школу пошел 10 лет. В учении отставал. Не окончил городского училища. Рано стал пить и пропадать из дома. С 14 лет начал половую жизнь. В 1914 году впервые поступил на Канатчикову дачу. Был привезен матерью. — «Никаких формальных расстройств не обнаружено. Лжив, груб, притворяется, непослушен, навязчив, раздражителен, пристает к няням, не дает покоя надзирательнице, неприлично ведет себя по отношению к женщинам, иногда миролюбив и добродушен, иногда, изолируемый, бьет стекла, все разрушает, мажет калом стены. Сближается только с криминальными больными» —таковы записи, которыми пестрит его история болезни. Еще одна запись, которая заслуживает теперь внимания: «Отправлен в больницу, так как совершенно неподходяще ведет себя в патронаже; остановил по дороге одну женщину, стал приставать к ней, требовать от нее денег, бить ее». В больнице он пробыл с января 1914 года по ноябрь 1915 году. Затем уехал добровольцем в Кронштадт. В 1916 года контужен и через 6 мес. пребывания в госпитале он освобожден совсем от службы. Вскоре снова в какой-то части, затем опять в течение года в московском госпитале. Вновь уволен вовсе от службы. Переворот, и он в Кронштадтском флоте. В конце 1918 года — сифилис, в 1919 г. он злоупотребляет кокаином; в 1920 году снова припадки, с типичными для «травматиков» командованиями при расстреле. Через год он «инвалид» гражданской войны 1-й группы. Несколько раз устраивается на службу слесарем, но каждый раз через короткий срок ее оставляет. За свою довольно пеструю жизнь имеет уже 10 судимостей. За последние три года лежал два раза по нескольку месяцев в психиатрических учреждениях.

Ч-в небольшого роста, недурного питания. Лицо дегенеративное. Небольшой лоб, уходящий назад, затылок вытянут. Зубы очень плохие, неправильно посаженные. По своему складу — это тип психопата с эпилептоидными и антисоциальными чертами характера. Во время судебного следствия много в поведении «валяния дурака», разукрашиваемого алкогольным юмором. Ч-в категорически утверждал, что он ничего не помнит из инкриминируемого ему. Потерпевшая и свидетели подтвердили, что он был в состоянии опьянения: «а он

разве помнит?» — говорила Лиза. Однако, наличие воспоминаний о различных деталях кунцевской обстановки и т. п., скорее говорило за то, что патологическое опьянение тогда отсутствовало. Поэтому в своем заключении я высказал мнение, что нет достаточных оснований, как для отрицания, так и для утверждения наличия патологического опьянения у Ч-ва в момент инкриминируемого ему преступления.

Московский губернский суд, под председательством т. Овчинкина, приговорил В-ва и Ч-ва к лишению свободы на три года, но к Ч-ву нашел возможным применить ст. 28-ю У. К., понизив ему наказание до шести месяцев.

Работница из Орехово-Зуева, девятнадцатилетняя, вдова, Р-ва, 8 ноября 1925 года вечером, направляясь в Подольск, проезжала через Москву. На Курском вокзале она по ошибке села в дачный поезд, идущий в Царицыно. Прибыв туда [redacted] узнав, что до утра в Подольск поезда больше не будет, она попросила у истопника вагона разрешение переночевать. Тот разрешил и вскоре ушел на вокзал.

Тем временем, к компании молодых парней из железнодорожных рабочих и жителей пристанционного поселка, гулявших на перроне, обратился М-ин Иван — истопник вагонов, парень атлетического сложения, слывущий за коновода царицынских хулиганов, с предложением пойти «в вагоны искать шпану». Драки между «шпаной», ночующей [redacted] вагонах на запасных путях, и местной молодежью были довольно обычным явлением на ст. Царицыно. Повидимому, бывали также и групповые насилования женщин из «шпаны». Потерпевшая показала, что в ту кошмарную ночь [redacted] вагоне один из присутствующих, какой-то молодой человек сказал ей, что «в вагонах ночует какая-то беспризорная девица, лет 16, беременная, ходит с корзиночкой, и они ее искали, а наткнулись на тебя».

В ответ на призыв Ивана, толпа человек [redacted] 15—20 двинулась к вагонам и разбилась на части. Проходя по темным вагонам, в одном из них М-ин Иван, его брат

Павел, уже как-то осужденный за бандитизм и, по взятии под стражу по данному делу, сбежавший от конвоиров, и еще один из их спутников — Ч-ин, 37 лет, стрелочник, из грузчиков, довольно развитой, себе на уме, легковозбудимый, злобный, с неприятным лицом человек, увидели Р-ву.

Все они были выпивши и хулиганили. Двое из них сели рядом с Р-вой, а третий — напротив. Стали зажигать спички и рассматривать ее (она, в свою очередь, хорошо запомнила их), кидая циничные замечания и грубые плоские остроты, затем стали приставать—лапать, поднимать платье, хватать за груди... Когда Р-ва, плача, стала просить оставить ее в покое, а затем, защищаясь, — кричать, сидевший напротив выхватил финку из-за голенища и пригрозил «не орать», угрожая в противном случае зарезать ее, а сидевшие рядом повалили на пол и начали по очереди насиловать. Так, по словам потерпевшей, продолжалось насилие более часа. Затем они сели на лавку напротив, закурили и стали весело болтать между собой, без всякого смущения, называя друг друга по имени...

Вскоре один из них вышел из вагона и крикнул: «Ребята, хотите использовать женщину, если хотите, то ай-да!». В вагон ввалилось еще человек 8 молодежи, хорошо, повидимому, знавших друг друга. Первый из вновь вошедших поднял подол, столкнул ее на пол и начал насиловать, за ним по очереди и остальные и уже бывшие в вагоне и вновь прибывающие — царицынские ребята и «народ из беспризорных». 12—16—20 или более — число насильников нельзя установить. Вагон был полон. Было темно, душно, смрадно. Шум и гул от сливающихся криков, смеха и циничных замечаний, прерываемых пением «еврея Науськи». Р-ва больше уже не кричала и не сопротивлялась. Особенно отличался Иван, «я уже 20 раз ....» — кричал он входящим. И снова начинал насиловать Р-ву в самых разнообразных положениях, переворачивая ее и так и сяк, то бросая на пол, то сажая на скамью... Увидев здесь же в толпе беспризорного «Коль-

ку» — имбецилл, он приказал ему насиловать ее. Когда тот отказался, он, угрожая, кричал, что тогда он сам употребит его... «Кольку посадили насилкой». Он, «не зная, что это такое... головой уткнулся ей в живот... штаны застегнуты... только полежал минутку, ни разу не женился...». Его спихнули. Иван тычет ей в рот, она сжимает зубы, он в каком-то остервенении бьет ее по лицу.

Во время продолжавшегося насилования в вагон вошел истопник Щ-ов и потребовал прекратить безобразие. В ответ только «заржали», угрожая ножом убить его. «Нельзя было остановить, стояли, как бараны...» Щ-ов выбежал из вагона, рассказал своим товарищам и вместе с ними пошел на станцию заявить о происходящем милиции. Другой истопник, подойдя к вагону и видя, что компания еще не расходится, дверь запер на ключ. Насильники, узнав, что вагон закрыт, стали ломать дверь, а затем выбили окно и разбежались.

При медицинском освидетельствовании Р-вой 10 ноября оказалось следующее: «у переднего края правой малой губы незначительные ссадины и на нижней трети правого бедра синяк величиной в пятикопеечную монету».

Во время предварительного и судебного следствий потерпевшая Р-ва не была допрошена, так как принятыми мерами установить ее местожительства не представилось возможным. Ее показания во время дознания поражают своей обстоятельностью и точностью: она хорошо запомнила многих — у такого то «черные курчавые волосы, вьются через шапку», у такого-то «черные брюки новые — «галифе», «штиблеты со шнурками и в галошах», такой-то «в рваных сапогах», «у двоих железнодорожные значки»; запомнила, как они называли друг друга по имени и т. п. и затем легко опознала их. И все-таки задержанных и представших перед судом оказалось только 5 человек.

1) М-ин Иван, 21 года, холост, не судившийся, беспартийный, проводник М.-Кур. ж. д., учился 3 года в сельской школе. Он — кормилец семьи, состоящей из матери, получающей пособие, и четырех младших сестер в возрасте от 6 до 18

лет. На железной дороге работает с 14 лет, по службе ни одного замечания. Довольно развитой. Половая жизнь — с 19 лет, имел две довольно длительные связи.

2) Ч-ин Архип, по кличке «Егор», 37 лет, стрелочник, неграмотный, женат 10 лет, имеет двух детей, живет только на жалованье, не судившийся.

3) К-нин Федор, 18 лет, сын ночного сторожа, весной 1925 года окончил девятилетку, холост, беспартийный, не судившийся, живет в своей семье в поселке при ст. Царицыно. По своему складу застенчивый, мечтательный, обидчивый — гиперэстетический юноша.

4) Г-ин Николай, 19 лет, рабочий депо ст. Люблино, холост, не судившийся, окончил 6 кл. Отец осужден за растрату в заведуемом им кооперативе. Живет в своей семье, состоящей из матери и 4 сестер. Развитой, развязный, лживый, хитрый.

5) С-жов Николай, 19 лет, беспризорный, неграмотный, имбецилл.

Московский губернский суд под председательством тов. Овчинкина приговорил М-на Ивана к лишению свободы на 5 лет, К-на, Ч-на и Г-на на 3 года. В отношении С-жова, как подпадающего под действие ст. 17-й У. К., суд дело производством прекратил.

Село Покровское-Бунякино Бронницкого уезда, в версте от станции Востряково Рязанско-Уральской ж. д. В нем всего 50 домов с 270 жителями; почти все население, за исключением нескольких семей, занятых отхожими промыслами,—хлеборобы. Село в общем бедное. Летом все дома сдаются под дачи, цены на которые здесь очень низкие. Дачники — преимущественно московские рабочие. Никакой общественно-политической работы среди населения не ведется. Фабрик и заводов поблизости нет. Ближайшая изба-читальня в 12 верстах, и никто из бунякинцев туда не ходит. Только двое выписывают «Московскую Деревню», да в чайной получают «Известия», Коммунистов и комсомольцев нет. Правда, в 1923 году была

попытка организовать ячейку РКСМ, в которую записались, между прочим, и почти все обвиненные по данному делу, но она тут же и распалась, а открытая изба-читальня из-за неуплаты шефом (магазин Мосторга) за помещение, вскоре закрылась. Работа среди женщин тоже не удалась. Все жители состоят членами кооператива. Водка продается в двух верстах от села. Пьянство—повседневное явление: пьют и в праздники и в будни. Пьют, главным образом, пожилые, молодежь значительно меньше. В церковь ходят старики, молодежь совсем в ней не бывает. Браки заключаются только церковные. «Живут по старинке, как жили до революции»—говорит сельский уполномоченный. Хулиганства, за исключением отдельных выходок, в общем нет, но отдельные симптомы его уже намечаются и причем преимущественно в более молодой возрастной группе (от 10 до 15 лет). Близость Москвы чувствуется только в моде—шапки-кубанки, брюки-клеш—непременный аттрибут каждого парня. Развлечение—«гуляют» с барышнями, играют и танцуют на лугу.

В конце мая 1926 г. в Бунякине снял дачу кустарь-портной Н-ов [1]) со своей семьей, состоящей из жены и двух дочерей — бойкой, смышленой 15-летней Зинаиды и 17-летней Марии, дебильной, довольно внушаемой и капризной девицы, со вздернутым носиком на круглом лице и модными локонами-завитками на ушах.

Маруся сравнительно быстро освоилась с деревенской обстановкой. Познакомилась с крестьянскими девушками, стала выходить с ними на игры и танцы на лужок

---

[1]) Отец Н-вой возбудимый, под горячую руку сердитый, лучше тогда ему не попадайся, изрядно выпивает, в семье его боятся. Мать нервная женщина, склонная к истерическим реакциям. Материальное положение в общем удовлетворительное; культурный уровень низкий, типичный мелкомещанский уклад.

В раннем детстве у Маруси отмечается некоторая задержка в развитии: начала ходить и говорить после 2 лет. Училась с 9 до 14 лет, окончила 4 класса 1 ступени, способности неважные. После школы ничего в общем не делала за исключением того, что помогала немного матери по дому. Менструации с 15 лет, ходят правильно по 3-4 дня. Вторичные половые признаки развиты хорошо.

и довольно благосклонно относилась к ухаживаниям за ней деревенских парней. Так, одному из них (Александру С-ву) она вскоре писала «Шуре от Маруси. Здравствуй, дорогой Шура. Шлю я тебе свой сердечный привет и наилучшего пожелания. Шура, пишешь, что я не хочу с тобой гулять, но ты слишком ошибаешься. Шура, ты еще пишешь, что я не пошла воскресенье гулять с тобой, а это вот почему потому ни ловко ходить. Шура, если хочешь со мной гулять, то дай ответ, как можно скорей. Затем досвидание, остается любящая ваша Маруся.

На память Шуре:

Много звездочек на небе,
Но одна из них ярчей;
Много мальчиков на свете,
Но один мне всех милей.

Шура, если можно, то дай сегодня ответ.

Жду ответа, как птичка лета».

В числе других ребят с ней познакомился и девятнадцатилетний Василий С-ов. [1]). Начал усиленно ухаживать за ней. Она в свою очередь относилась к нему с расположением.

На Троицу, 20 июня, была вечеринка у К-вых, танцовали, затем пошли на луг, сели на бугорок у речки. «Василий мне стал говорить, что он меня любит, стал целовать, я отталкивала его, я и верила и нет—он был

---

[1]) С-ов Василий, 19 лет, крестьянствует, холост, кормилец семьи, состоящей из матери и шестерых младших братьев и сестер. Отец телеграфист, три года тому назад бросил семью и живет с другой женщиной в Москве. Одна сестра глухонемая. Хозяйство: лошадь, корова. Летом сдают свой дом под дачу за 40-50 рублей. Василий развивался правильно. Из инфекционных заболеваний перенес корь, скарлатину, испанку и сыпной тиф (1919 г.). Сельскую школу посещал в 1919—1921 г.г., «учились коекак», способности у него были неважные. Водку пьет с 16 лет, редко и умеренно. Половая жизнь с 16 лет, случайные связи. Правильного телосложения, на лице никакой растительности, на лобке расположение волос женского типа. Круг сведений весьма ограничен, способность суждения ослаблена. Абстрактное мышление на очень низкой ступени развития. Суждения в области этических и моральных представлений весьма примитивны. Читает и пишет плохо.

выпивши. Потом схватил и изнасиловал. Я не кричала. Сопротивляться я не могла. Как он меня тогда изнасиловал я не помню, знаю только, что он с силою навалился на меня, и я очнулась только тогда, когда он меня лишил невинности [1]). Я начала плакать, он же стал меня уговаривать, обещая жениться, и просил, чтобы я об этом ничего никому не рассказывала. Придя домой, я никому ничего не сказала, белье спрятала, а на другой день его застирала. После этого я заметила, что ребята стали надо мной подсмеиваться, а Василий старался никому не показывать вида, что он со мной гуляет и меня избегал. Тогда я перестала совсем выходить на улицу».

27 июня Маруся решила все узнать, как относится Василий к своему поступку, намерен ли он жениться. Она беспокоилась, что может забеременеть. Его тоже тревожила мысль о возможных алиментах...

Вечером 27 в 10 часов все вышли на лужок. Маруся тоже принарядилась, взяла шелковый платок. Танцовали, играли. С-ов был выпивши. «Он стал мне предлагать, говорит Маруся, итти с ним в сарай к нему. Я не соглашалась. Но... потом каким-то образом очутилась и подошла совсем близко к сараю. Он схватил и стал силой тащить. В это время откуда-то появились другие ребята и меня впихнули в сарай» [2]). Это были деревенские парни, которые раньше уже дали ему свое согласие иметь сношение с «московской барышней», так как он боялся, что от него одного она может забеременеть, а он слыхал, что при одновременной связи женщины с несколькими мужчинами беременности можно избежать.

В сарае темь. С-ов Василий бросил ее на землю. Она отбивалась, но ему помогли остальные. «Я первый—кричал он. Затем, когда он встал, и Маруся приподнялась

---

[1]) Мать Н-вой передала нам следующую фразу, сказанную Марусей,— вскоре после 27/VI. «Я с ним согласилась на Троицу».

[2]) Василий С-ов настаивает, что с ним Маруся вошла в сарай добровольно. В общем это не меняет дела, так как самый факт группового изнасилования остается в силе.

К-ов Николай [1]), плотный, коренастый, с толстыми мясистыми губами, 22-летний парень, повалил ее. Н-ва билась в его руках. Василий, стоя тут же рядом, ругал ее матерно, приговаривая «ты что еще ломаешься». Когда же К-ов преодолел сопротивление, возле них присел К-кин, по кличке «главный» [2]) с раскосыми глазами, с надтреснутым меняющимся голосом, угрюмый злобный парень и стал сладострастно поглаживать ей ноги. К-ова сменил К-ин [3]), который тут же вытерся (в этот день у Маруси пришли месячные) подаренным ею как то раньше платочком, затем «главный», и снова и снова, чередуясь с ребятами, К-ов Николай.

---

[1]) К-ов Николай, 22 лет, крестьянин, холост. Отец был горячим человеком, умер простудившись во время пьянства. Семья состоит из матери, двух сестер [redacted] 5 братьев. Он [redacted] старший брат — единственные работники в семье. Материальные условия плохие. Земли десятины четыре. Есть лошадь и корова. Учился с 8 до 11 лет в сельской школе. Грамотный. Способность суждения вобщем соответствует среднему уровню его социальной группы. Общий запас сведений довольно ограничен. Политически совершенно невежда: не знает, кто такой тов. Рыков, какое занимает положение тов. Калинин, и т. п. Водку пьет с 20 лет не чаще раза в месяц и немного. Половая жизнь с 17 лет, случайные, довольно редкие связи.

[2]) К-кин Сергей, 17 лет, крестьянин. Отцу 65 лет, мать умерла. Старшая сестра выдана замуж, страдает истерическими припадками. С отцом живут, кроме Сергея, еще два младших брата 13 и 10 лет. Материальное положение — среднее. Учился две зимы, способности и память плохие. Не пьет. Половая жизнь всего несколько месяцев (с тремя женщинами). Монголоид. Несколько умственно-отсталый: запас общих сведений ограничен; способность различения слабая. Критика понижена. Плохо читает и считает. Между прочим, Сергей К-кин в Таганской тюрьме передавал своему защитнику И. Д. Брауде, а на другой день мне (накануне судебного заседания), что с Марией Н-вой, он уже ранее имел сношение с ее согласия, при чем довольно правдоподобно описал обстановку. На суде он и Н-ва категорически это отрицали.

[3]) К-ин Василий, 20 лет, крестьянствует и служит стрелочником на ж. д. Отец умер 2 года тому назад. Он единственный кормилец всей семьи, больная мать, брат 13 лет и две сестры 7 и 5 лет. В девятилетнем возрасте упал под сани, лошадь ударила в лицо, четыре часа был без сознания. Учился полторы зимы в сельской школе. На лице только едва заметный пушок, на лобке расположение волос женского типа. Инфантилен. Довольно развитой. Пьет с 17 лет, редко и мало. Половая жизнь с 17 лет, случайные редкие связи. Уже после того, как было возбуждено настоящее дело, К-ин женился на женщине, которая родила от него.

С-ов Александр [1]) (ему было адресовано письмо Марусей), [redacted] круглой приплюснутой головой, широким скуластым лицом, кверху вздернутым носом и глуповатым видом—волнуясь, кричал: «а что же мне доли тута нет» и со словами «довольно ты меня помучила» навалился на Н-ву.

Она была словно [redacted] горячке, тяжело дышала, изредка истерически как-то смеялась, что-то бормотала и спрашивала «кто это». В ответ на что всегда неслись крики, прерываемые смехом и бранью, «свой, свой — валяй, валяй».

Прибывали уже и другие, извещенные теми, кто уже был в сарае, за ними тянулся и деревенский молодняк.

Вбежавший Т-ьев [2]), низкорослый щупленький подросток, сразу возбудился. Она лежала спокойно, выкрикивая только изредка отдельные слова: «что ей подсмеются--она отвечает»—говорил Т-ьев. За ним семнадцатилетний К-ов Сергей [3]), с розовенькими детски округлыми щечками, детскими мягкими линиями корпуса, мальчик уже осужденный за покушение на растление на 1 год 4 мес., а по обеим сторонам, стоя на коленях, с возбужденными ли-

---

[1]) С-ов Александр, 21 года, крестьянствует, холост. Живет один, бедно, имеет корову. Страдал снохождением. На лице только пушок, на лобке, расположение волос женского типа. Половые органы развиты недостаточно; инфантилен. Пьет с 18 лет редко и мало. Половая жизнь с 18 лет. Два раза были случайные встречи. Интеллект в общем достаточен, но педагогически и политически очень запущен (учился пол-зимы). Очень плохо читает и считает, но любит «писать стихи».

[2]) Т-ьев Сергей, 17 лет, проживает вместе с отцом в Москве, где работает заготовщиком. Мать и остальная семья в Бунякине. Материальное положение удовлетворительное. Сергей учился четыре года в сельской школе. Инфантилен, умственно ограничен: запас общих сведений беден, политически совершенно безграмотен (т. Рыков председатель какой-то; не знаю, что такое ВЦИК, и т. п.), суждение недостаточно. Пьет очень редко и мало. Половая жизнь с этого года, раза два.

[3]) К-ов Сергей, 17 лет, крестьянствует. Отец вспыльчивый, горячий человек, порядочно пьет. Крестьяне-середняки. Есть лошадь и корова. Сергей посещал сельскую школу пол-зимы, учился плохо. Пить начал только в этом году. Значительный инфантилизм. Общий кругозор ограничен. До Н-вой женщины еще не знал, несмотря на очень большое libido — чувство недостаточности и отсутствие смелости в реализации своих желаний со взрослой женщиной в обычных условиях.

цами, К-ин и К-ов Николай трогали и били П-ву по ногам, с каким-то восторгом приговаривая: «ах, ляжки».

Вокруг толпились ребята, обменивались циничными замечаниями, хихикали, чиркали спичками. Между ними шныряли деревенские мальчуганы. Одни из них тоже приставали и даже пытались ложиться на Марусю, крича, «а нам то что-же», но старшие их не пускали, другие бегали возле по лужку чего-то возбужденно смеясь. Слух, что в сарае устроили «чередушку» стал распространяться и по деревне.

Вошедшего Р-на[1]), недавно приехавшего на дачу из Москвы, ни с кем, кроме своего хозяина К-ва Сергея, незнакомого и вообще впервые попавшего на луг, в этот вечер ребята встретили криками: «Петр Петрович, валяй, ты-то что-же». Р-ин высокий, тонкий, с узким профилем бледный юноша, чувствительный, мечтательный, робкий, никогда еще не знавший женщины «невольно поддался возбуждению и тоже пожелал иметь сношение». «Было такое возбуждение, что не мог удержаться и лег на нее». «Кто это» — спросила она. «Свой — валяй» — неизменно гоготали ребята. «Она что-то говорила, может быть, разговаривала с ребятами». Р-ин не сумел довести до конца. Хотелось нестерпимо... до конца. Пытался еще раз... «Давай скорее», говорила она... но опять без успеха — ребята стащили его.

Маруся встала, стала искать гребенку и платок, собираясь уйти... К ней подскочил С-ов Василий с большим кустом крапивы и, задрав сзади юбку, начал ее стегать. Маруся закричала, он схватил и бросил ее на сухие метлы и снова навалился на нее... Затем неожиданно вдруг обратился к ребятам: «давайте зажжем

---

[1]) Р-ин Петр, 17 лет, учащийся на курсах чертежников-конструкторов при фабрике б. Циндель, где отец служит рисовальщиком, имеет незаконченное среднее образование, член профсоюза. Проживает постоянно в Москве в своей семье. Мать страдает истерическими припадками. Общий кругозор достаточен. Способность суждения и критики развита достаточно. По своему складу гиперэстетический, мимозный тип. С 12-летнего возраста онанизм.

спички, посмотрим, что у нее там делается». Зажгли.— «Чорт знает, что делается; кишки вылезли».—«Ничего, платками вытрем»—и стали вытирать.

В это время присутствующего здесь, семнадцатилетнего Кол-ского[1]) стали подталкивать, крича: «ты еще не был». Кол-ский—слесарь на заводе в Москве, приехал на праздники на побывку к себе в деревню, соседнюю с Бунакиным. Сюда он пришел сильно навеселе — погулять с ребятами. Проходя мимо, он узнал от К-ва Сергея и других о происходящем и зашел в сарай. «Будучи пьяным, вначале никак не мог, но затем все-таки произвел с ней... «За ним, стоящий на отдалении, глупенький, забитый, вызывающий насмешки всех» гармонист З-ов[2]). Хотя ему и 20 лет, но по общему виду и 15 не дашь. Ему «захотелось также с этой Маруськой», которую он никогда не видал, «принимать половое сношение».

А в деревне гурьбой сновали ребятишки, возбужденно смеясь и пересыпая матершиной передавали, что «Маруську растянули», что «Манька там еще» и т. п. Передали об этом и матери, которая сразу же бросилась туда. Она смутно помнит, где и как она нашла Марусю. Темь, ничего не видно... У ворот было много ребят... Смех... В сарае стоит К-кин и застегивает брюки. «Ну теперь у Маруськи... будет» — говорил он, не замечая ее. «Я, услышав это, помню только, что закричала: «Маня, Маня».—«Кто это».—«Это я».— «Ты, мама».

---

[1]) Кол-ский Николай, 17 лет, рабочий, член профсоюза, в Москве проживает совместно с отцом. Мать и семь младших братьев и сестер живут в деревне. Материальное положение неважное. С 8 до 10 лет учился в сельской школе, учился недурно. Выпивает с 16 лет обычно в получку вместе с отцом. Женщин до Н-вой не знал. Запас общих сведений ограничен. Способность суждения ослаблена. Политически безграмотен. Интересны его ответы на суде: «меня жизнь интересует, чтобы лучше жить», и «я не насиловал, а поимел сношение без ее согласия», говорит он с полной искренностью и убежденностью.

[2]) З-ов Валериан, 20 лет, крестьянин. Семи лет ушиб головы, разбила лошадь, был без сознания. Вино не пьет. Женщин раньше не знал. Резкий инфантилизм. Дебил.

Ребята все сразу разбежались. Куда-то словно пыталась бежать и Маруся, но мать удержала и повела домой. Волосы распущены, вся в грязи, платье порвано, рубаха в крови.

Около дома толпились ребята. «Сейчас посмотрим, как Маруську будут бить»—кричали они. «Догулялась Маруся»—укоризненно делилась с подругами ее младшая сестра—бойкая славная девочка.

«Вошли в дом, говорила мать, я так растерялась, что прямо упала на пол. Маруся тоже сразу упала на кровать и начала биться и навзрыд истерически плакать. Муж ее стал успокаивать, но она лежала всю ночь неспокойно, часто вскакивала, чего-то пугаясь, иногда выкрикивала „кто это“ и только к утру мы могли добиться, что ее изнасиловали ребята, затащив в сарай».

На следующий день при освидетельствовании Марии Н-вой в Заборьевской больнице, было найдено: бедра покрыты небольшими кожными ссадинами. На слизистой оболочке вокруг входа во влагалище краснота и тоже ссадины. На гимене имеются как-будто разрывы, идущие во всех направлениях звездо-образно. Гимен зияет и свободно пропускает палец».

Четыре дня слушалось дело бунякинских насильников в Московском Губернском Суде под председательством тов. Пригожина.

Василий С-ов приговорен к пяти годам лишения свободы, К-ов Николай, К-ин Василий и К-кин Сергей—к четырем годам, остальные на три года, за исключением З-ва Валериана, который приговорен на два года. Всем осужденным, не достигшим 18-тилетнего возраста, срок наказания сокращен на одну треть.

Таковы картины современных изнасилований группами. Не трудно заметить, что во многом они представляют существенное отличие одна от другой и, пожалуй, мы бы сказали, являются типами для этой категории преступлений.

В первом случае социально-деградированные и психически неустойчивые молодые люди об'единяются в компанию с намерением повеселиться, выпить и вступить в половое общение с участницами задуманного пикника, и к тому имеют довольно веские основания. Гарантией предвкушаемых ими земных радостей является бойкая «не святая», уже видавшая виды Лиза. Такова установка и, повидимому, привычная для них. Довольно откровенное совместное купанье — наиболее яркий момент в целом ряде доказательств реальной возможности осуществления их намерений. Вино, как и всегда, лишь растормаживает, возбуждает, вскрывает то, что уже созрело в их сознании. Протесты и сопротивления—ими, уже опьяневшими, почти не учитываются или воспринимаются совсем неправильно. Этот тип группового насилия, по нашему мнению, наиболее часто встречающийся. Конечно, возможны различные варианты, но основа всегда одна — установка на осуществление полового сношения и к тому об'ективные данные, как в обстановке, так и в личности потерпевшей. При такой ситуации попытки к половому сближению, собственно говоря, почти неизбежны, другое дело форма выражения их. Все зависит от стечения обстоятельств, при чем личные качества участвующего персонажа играют решающую роль — как суметь подойти.

Одно замечание о Клавдии—потерпевшей в Кунцевском случае,—имеющее для ряда случаев общее значение. Довольно часто девушки-подростки хотят казаться уже пожившими и видавшими виды женщинами. Они ведут себя в присутствии мужчин не совсем скромно. А результат такого поведения—неправильное отношение к ним мужчин.

Второй — в общем довольно редкий случай. Ничем не прикрытый, стихийный, звериный. Невольно вспоминаешь «Лесную топь» Сергеева-Ценского — рассказ исключительный по силе и художественному чувствованию:

«Антонина нажала на дверь и вошла. Не она вошла: топь сгустилась сзади и втолкнула ее, ударивши ей в плечи.

Клокотало зловонное дыхание спящих. Дальние были видны плохо, мутно, но ярки были ближние...

Всех было около тридцати, и все спали.

Днем они стояли по колено в холодной лесной воде, резали торф, ругались, проклинали болото, нужду, артельщика, хозяина, на которого они работали, тех людей, которым будет тепло от того, что холодно теперь им.

А ночью спали вповалку тяжелым сном».

Антонина хотела сесть, «и когда опустилась на край (скамейки), то другой край поднялся и задел ножкой стоявшее под ним пустое звучное ведро. Антонина вздрогнула и вскочила, чтобы уйти также незаметно как пришла, но проснулся черный, лежавший ближе всех и поднял голову».

«Черный сбросил с себя армяк, сел, сдвинул со лба волосы.

— Баба... Зачем баба?..

— Ай!—крикнула она во весь голос, не помня себя от страха.

И сразу зашевелились все, закопошились, как куча червей, сбрасывая спросонья лохмотья, пропитанные тиной.

— Где баба?

— Тетка, ты откуда?

— Бог дал, ответил за нее черный—заблудшая... К угодникам шла.

— К угодникам и попала,—сказал кто-то.

Засмеялись.

— В Милюково я... Ночь... Темь... Шла...

Подходили новые, кривили губы. Окружали со всех сторон, как камни, и дверей не было видно из-за стены теплых тел, пахнущих топью. Кто-то сзади коснулся платка на шее.

— Ай!—крикнула, рванувшись, Антонина.

Сжалась, как пружина, и ударилась о стену упругих тел, но стена не расступилась, только вдруг сосредоточилась, перебросилась глазами, замолчала.

Мягкий черный рот раскрылся и надвинулся на Антонину.

Она оглянулась кругом и тихо, крикнув еще раз, онемела.

Притихло все—сарай, люди, ночь за дверями... И в этом общем молчании родилось то страшное, которое показалось

вдруг всем простым, неизбежным, таким же простым, как зеленая осока над водою или совиный крик ночью. И то, что она сама чувствовала это неизбежное, подействовало на всех, как чей-то приказ.

Они не сговаривались, только переглянулись, но это уже повисло над ними, заняв всю ширину сарая, залегло в щели стен, капало с крыши.

Все как-то сразу поняли, что нужно сделать...»

«Антонина кричала, вся выливаясь в крике, недолго: кто-то ударил ее по лицу, потекла носом кровь. За дверью залаяла собака.

Стая других собак вырывала ее одна у другой, грызлись над нею, ругались на зверином языке занятых и беспокойных людей, дрались из-за ее тела, давили ее глубже и глубже в землю, в лесную топь».

У Ценского чудовищно, но проще, а потому психологически и нам понятнее, чем в случае в Царицыне. Конечно, это зависит только от обстановки. Лесная глушь и шумное, рядом с Москвой, Царицыно, закабаленные рабы и свободные рабочие в IX год после Октября. Контраст настолько разительный, что как-будто не может быть и преодолен.

Но в нашем случае тоже топь, где меркнет разум, где стирается индивидуальность, где элементарные инстинкты во всей беспорядочной хаотичности и неприглядной оголенности властвуют одни над толпой.

Однако, особенности царицынского случая все-таки представляют немалый интерес. Заслуживает внимания генез, динамика его. Крепкие молодые люди с бьющей через край энергией, которую не знают куда приложить. Они—оторванные от жизни. «Выпить» и «пойти бить шпану»—весь смысл их пустого и трагического бытия. Потребность в самоутверждении в своих глазах и им подобных в этой тусклой для них действительности приводит их к бесцельным озорным действиям, в которых, однако, их психомоторная сфера находит желанный разряд. Случайная встреча с случайной беззащитной женщиной, в случайной обстановке рождает возбуждение, усиливаемое мальчишеским и хулиганским ухарством и бесстыдными поощрениями друг друга. Определенный жест или

восклицание в этом случае решают дело. А дальше взаимная индукция, все сливаются в одну аморфную массу, теряется человеческое обличие... «стая собак» [1]).

В царицынском случае возможен и другой вариант. Указание потерпевшей, что кто-то ей сказал, что «они пошли искать беспризорную, а нашли тебя», конечно, говорило бы о заранее обдуманном намерении и сознании своей безответственности в отношении париев нашего общества—беспризорных, правовая защита которых, в силу об‘ективных условий, пока еще весьма проблематична. В таком случае, психологическая мотивация преступления приближала бы его к группе насилий во время погромов и т. п.

Сложным, но, пожалуй, в условиях нашей действительности наиболее интересным является третий случай. В нем есть отдельные элементы и первого и второго, но он ярок тем, что в нем, как в кривом зеркале, отражены и идеологические противоречия старого и нового порядка, и противоречия различных классов и полов, и соседство новой столицы, к каждому биению сердца которой прислушивается с напряженным вниманием весь мир, с отсталой, совсем еще темной примитивной деревней, где революцией разрушены старые традиции и сметены исторически созданные рогатки половой морали или нравственности, регулирующие взаимоотношения полов, и где новые воззрения и новый быт еще не проторили себе

---

[1]) Изнасилования группами этого типа по механизмам своего развития весьма близки к самосудам. К сожалению, вопрос о них до сих пор не освещен в научной литературе. В 1918 году мне пришлось быть свидетелем нескольких самосудов в Москве и в Михайловском уезде, тогда Рязанской губернии. Я вспоминаю случай на Полянке возле Учительского Института (ныне рабфака им. т. Артема). Какая-то женщина неожиданно крикнула: «держи, вор»... На этой, тогда совершенно глухой улице, откуда-то появились люди. Через несколько минут собралась толпа не в одну сотню человек. Все как-то дико кричали, размахивали угрожающе кулаками. Какой-то гражданин стоял весь бледный в этом кольце обезумевших людей и молчал. Его ни о чем не спрашивали. Не было никаких улик, не видно было и закричавшей женщины... Затем кто-то ударил его по лицу... Все бросились и в какой-то исступленной вакханалии плясали на нем .. Только холостой залп конной милиции разогнал толпу

дорогу и где идет еще бурный процесс расслоения. Революция политическая и социальная тесно связана и с революцией морали, но темп у них, конечно, существенно отличен. В то время, как в области политических и социальных форм уже намечено планомерное строительство, в области морали все еще слышны раскаты грома разрушения. В силу экономических условий прежний брак, соответствовавший старому быту, развалился, новые брачные отношения еще пока не созданы. Отсюда понятно почти полное отрицание половой морали, отсюда оголение первобытных инстинктивных начал, все еще тлеющих в современном человеке. Конечно, это явление чисто временное, но оно неизбежное до тех пор, пока не будут выработаны и укреплены прочные надстройки новой культуры и новой морали. На этом фоне разыгрывается бунякинский кошмар.

Основной стержень бунякинского насилия — страх перед алиментами, которые могут подорвать материальное благополучие крестьянского двора. Но не только это рождает насилие. Здесь интересно отношение к женщине чуждой им среды. „Московская барышня“—не своя, она вне их неписанного закона, вне их правил и традиций, которые еще как-то влачат свое существование в узком кругу деревенской общественности и отражают их личные интересы, и, следовательно, право половой неприкосновенности только их жен, матерей, сестер и дочерей. Поэтому динамика развития этого насилия совсем иная. Здесь сговор с близкими друзьями и уже затем во время самого преступления рождается возбуждение, переходящее в слепое неистовство и взаимную индукцию. Здесь коновод, его единомышленники и случайные участники—жертвы психической заразительности.

Психология насильников - вопрос сложный и совершенно еще не изученный. Мы здесь, конечно, далеки от мысли дать ему удовлетворительное освещение и постараемся только лишь наметить основные психологические типы насилователей. Их две категории, они довольно отграничены одна от другой. Это— тип насильника в собственном смысле слова и тип участника изнасилования группой.

Первый из них, конечно, очень разнообразен и, в этом отношении он близок к насильнику—одиночке, но есть между ними одно весьма существенное различие. Тот прячется от сторонних глаз, этому, наоборот, нужны зрители и соучастники. Только в присутствии посторонних и их одобрения находит он в себе смелость, по существу же он довольно жалкий трус. Это роднит его с обычным групповым хулиганом, который через ухарство и желание «себя показать», приходит к озорным поступкам. Среди данной группы насильников особенно заметны два. Тип паразита—«на дармавщину». Обычно это социально и психически деградированные люди, вообще с установкой на паразитизм; таковы герои первого случая. Другой тип—активный, угрюмо злобный, грубый, для которого насилие—самоцель, среди них много психопатических личностей—эпилептоидов и импульсивных, таковы М-ин и Ч-кин во втором случае. Близок к нему, а иногда и родственен ему, тип насильника-садиста. При чем, повидимому, чаще садистические элементы, как и фетишистские, выступают уже в самом процессе насилия, когда тормоза настолько расслаблены, что инстинктивные начала играют уже господствующую роль.

Что касается типа «участника» то здесь намечаются следующие подгруппы. Первая—внушаемые, умственно ограниченные и олигофрены разного ранга. Они статисты, участие которых и придает массовый характер преступлению, они—«народ безмолствующий», но действующий или только созерцающий (voyeurs). В силу особенностей их психической структуры, они легко в толпе теряют индивидуальное обличие и делают то, что делают все, часто неведомо для самих себя. Один момент в психологической мотивации их участия в насилии довольно часто играет большую роль—робость в общении с другим полом при обычных нормальных условиях.

Эта черта особенно рельефно выступает во второй подгруппе—у гиперэстетических юношей. Мимозные, мечтательные, всегда с ощущением своей недостаточности, весьма чувствительные и застенчивые, скорее склонные к благородному порыву, они обычно в половом отношении чрезмерно перевозбуждены. Не находя выхода своим желаниям

в земном, естественном общении полов, они реализуют их в своем возлелеянном мире мечты и грез. Первый шаг к действительной жизни—пробный камень—для них непреодолимо труден. Среди них много сексуальных невротиков (особенно онанистов и, так называемых, психических импотентов), а также растлителей детей. С детьми они чувствуют себя довольно уверенно, их не боятся. Также и в групповых изнасилованиях, когда все покровы сорваны, многие из них в себе находят «мужество» и получают там свое «боевое» крещение.

Рядом с ними — редкий тип идеалистически настроенного юноши именно к потерпевшей, которую он окружает ореолом своей романтики. Это *герой «Бездны»* Андреева. В наших случаях таким является С—ов Александр, который пишет ей стихи и любит получать ответные послания тоже в стихах. Желание в направлении ее, конечно, есть, но оно заглушено лирическим воздыханием и преклонением. Когда же героиня повергнута толпой на надругательства, тогда где-то таящееся вожделение бурно прорывается в крике особенной злобности и зависти: «довольно ты меня помучила», «а что же мне доли тута нет»!

Теперь *о психологии потерпевших*. Среди них, как и среди насилователей, намечаются также различные типы. Индивидуальная реакция здесь определяется, главным образом, самой обстановкой и характером насилия, с одной стороны, и личными свойствами потерпевших—с другой.

Интересно, что в царицынском случае Р-ва, несмотря на исключительное по своей жуткости насилие, скорее разбой, не только не теряет совсем сознания или не впадает в полуобморочное состояние, но весьма критически, мы бы сказали, с каким-то олимпийским внешним спокойствием расценивает происходящее. Ее воспоминания поражают такими деталями и обстоятельностью вообще, что трудно было бы им поверить, если бы не было такого очевидного совпадения в ее описаниях и тех «вещественных доказательствах», которые были установлены еще дознанием. Аналогичное нам сообщил и проф. Л. Г. *Оршанский* о жертве Чубарова переулка. Несмотря на грубые издевательства более чем тридцати, в поведении потерпевшей поражало какое-то исключительное спокойствие. Она не только многих участников хорошо за-

помнила, но, по окончании насилия над ней, спокойно искала гребенку, подвязку или какую-то другую принадлежность дамского туалета.

Нам кажется, что такое, по крайней мере, *внешнее спокойствие является нормальной защитной реакцией*. Невольно приходят опять аналогии из психологии жертв самосудов. Тот, кто их видел, тот знает, что, когда они еще созревают, как важно сохранить присутствие духа и каким-нибудь случайным криком, или жестом, или даже смущенным видом не выдать себя, свою робость. Тогда все кончено, ничто уж больше не спасет. Также и в групповых изнасилованиях—лишний крик протеста, лишний жест сопротивления может озлобить и без того затемненный ум толпы, взорвать ее в исступленном насилии, незнающем уже никаких границ, и стоить жизни потерпевшей.

Но в этом поведении есть что-то и чисто женское, повидимому, свойственное только психологии представительниц прекрасного пола. Мы имеем в виду разыскивание после насилия мелких предметов женского обихода. Между прочим, оно отмечено в бунякинском случае и в случае, не сообщенном судебно-следственным властям из-за боязни перед отцом, с одной пациенткой Моск. госуд. невро-психиатрического диспансера, где девушка-работница с Трехгорной в 1924 г., как-то ночью, за Красно-Пресненской заставой подверглась грубому насилию пяти ей неизвестных пьяных парней, которые, кроме того, изрядно ее отколотили. Конечно, мы склонны в этом видеть скорее привычные действия, автоматизмы, но они все-таки импонируют как *психологически понятные интимно-женские*.

Сложнее и путаннее психология переживаний Маруси Н-вой. Здесь, как и всегда в сексуальной жизни, много неизвестного и потому неясного. Но эта недоговоренность не лишена интереса, так как позволяет поставить *ряд вопросов* большой значимости и в судебно-медицинском и психологическом или, вернее, психопатологическом отношении. Чтобы понять психологию Маруси надо прежде всего решить вопрос, было ли на Троицу, за неделю до преступления над ней, добровольное соглашение с С-вым Василием или она стала жертвой насилия его. Мы, конечно, не верим заявлениям обвиняемого, но весьма

критически и осторожно относимся и к показаниям потерпевшей. Не раз уже указывалось в печати, что такая осторожность сугубо важна в делах о преступлениях в области половых отношений, особенно в связи с тем, что за последнее время все чаще встречаются ложные обвинения. Мы, пользуясь описанием самой Маруси, все же должны решить, что в этот хорошо ей памятный день имело место лишь обоюдное согласие. Другое дело, что здесь был обман—он обещал на ней жениться,—но она должна была бы относиться критически к его уверениям и его поведению. Вспомним ее показания—«я и верила и нет», «я не кричала, сопротивляться я не могла», «я начала плакать, он же стал меня уговаривать... придя домой, я ничего никому не сказала, белье спрятала, а на другой день его застирала»—это характерные фразы, может быть, обманутых, но не изнасилованных. Слова же, переданные нам матерью Маруси, сказанные последней вскоре после бунякинского преступления—«я с ним согласилась на Троицу»—конечно, для нас только служат лишним доказательством, подтверждающим наше предположение.

Считая себя обманутой, она ищет с ним встречи, может быть, надеясь еще вернуть потерянные ею позиции. И здесь возникает второй вопрос—добровольно или случайно Маруся оказалась возле сарая в воскресенье 27 июня. Если сопоставить ее заявление о том, что на Троицу С-ов ее изнасиловал, с ее показаниями—«он стал предлагать итти с ним в сарай. Я не соглашалась. Но... потом каким-то образом очутилась и подошла совсем близко к сараю»—то, конечно, они не вяжутся одно с другим. Мы в праве были ожидать от Маруси в следующее воскресенье большей настороженности в ее отношениях к Василию, к его предложению пойти с ним в сарай, а не слишком уже наивного «каким-то образом очутилась»...

Может быть, это надо об'яснить ее умственной отсталостью? То, что Маруся дебильна, это несомненно. Об этом говорят не только данные исследования [1]), но и показание

[1]) Экспериментально-психологическое исследование Н-вой 24 ноября 1926 года д-ром Н. Д. Шрейдер дало следующее: «ассоциации очень плоски, примитивны, замедлены; способность суждения недостаточно развита; активное внимание и память низки».

ее сестры—«такая недалекая, каждый может ее обидеть». Но ведь повышенная внушаемость, свойственная дебильным личностям, вовсе еще не равносильна потере головы, чтобы безрассудно броситься в огонь.

Третий вопрос—о состоянии сознания Маруси во время группового изнасилования. Несмотря на ее утверждения о бывшем тогда беспамятстве, потере сознания и т. п., ее показания на предварительном и судебном следствии, изобилующие воспоминаниями даже о ничтожных фактах в течение всего промежутка времени, относящегося к преступлению, как например, об отдельных замечаниях и поступках присутствующих при изнасиловании, а также показания матери о том, что Мария на ее оклики ответила «это ты, мама» определенно указывают, что Маруся понимала происходившее и сохранила об этом воспоминание. За это говорят и противоречия в показаниях, данных Марусей в разное время, например, на предварительном следствии она рассказывала о платках, на судебном же говорила: «я о платках ничего не слышала». Кроме того, в своих показаниях из 10 обвиняемых, несмотря на мрак в сарае, она назвала шестерых, которых знала (с другими она и не была знакома), а среди них были и такие, которые пришли в сарай совсем к концу.

Однако, указание Маруси на то, что она была «почти без памяти», показания самих обвиняемых, что она лежала словно в горячке, тяжело дышала, смеялась и что-то иногда выкрикивала; описание матерью и сестрой дальнейшего ее состояния дома, где сначала случился истерический припадок, сменившийся затем истероидным состоянием, и, наконец, ее склонность к истерическим реакциям во время судебного следствия—все это позволяет заключить об имевшемся тогда у нее состоянии, родственном истерическому вытеснению. Благоприятной почвой для развития у Маруси вообще истерических реакций является ее умственная отсталость. В день же изнасилования почва для истерических выступлений была особенно благодарна, в связи с пришедшими в этот день менструациями. На этом фоне, под влиянием психических и физических травм, истерические реакции пышно могли расцвести.

Но в истерическом всегда имеется тенденция, цель, желание выйти из данной ситуации, данных условий. Истерический припадок дома совпадает с таковым же у матери, которая передавала так: «я так растерялась, что прямо упала на пол, Маруся тоже сразу упала на кровать, начала биться», и является характерной реакцией для социальной группы, к которой принадлежит Маруся, как некий способ оправдания себя в глазах общественного мнения, как самоутверждение, приспособление к данным неблагоприятным условиям. Таким образом, истеризирование может также указывать на чувство страха у Маруси перед родителями или возможной невыгодной ситуации в общественном смысле. Наличие страха перед родителями в переживаниях Маруси для нас несомненно. Этот сложный комплекс в той среде, в которой живет она, почти неизбежен. Подтверждение этому мы находим не только в характерологических особенностях ее отца и данных ассоциативного эксперимента (на просьбу назвать десять приятных предметов Маруся ответила «не знаю, чего приятного, ничего не могу придумать даже... чего люблю... Ни с кем не ругаться...), но и в криках деревенских мальчишек — «сейчас посмотрим, как Маруську будут бить».

Возникает еще один вопрос, а не могло ли у Маруси истероидное состояние симулировать половую гиперэстезию. Среди женщин известны случаи, правда, повидимому, довольно редкие, чрезвычайного усиления полового возбуждения, особенно во время полового общения, до пределов крайней ненасытности, до пределов экстатических. Вероятно, этому благоприятствует менструальный период. Нам лично пришлось наблюдать одну сестру милосердия, 19 лет, которая иногда в состоянии такого возбуждения искала встречи с несколькими мужчинами. «С женскими гипергедониками [1]), даже из порядочной семьи, случается, что они в состоянии чрезмерного полового возбуждения отдаются на улице первому встречному» (Ziehen).

Кроме того, несомненны случаи, и мы в этом не раз могли убедиться при расспросе потерпевших, когда во время изна-

[1]) Гипергедонизм—повышенное половое побуждение.

силования впервые «пробуждалась женщина». Между прочим, этой теме посвящена «Морская болезнь» Куприна; об этом имеется и несколько слов у Мирбо в «Дневнике горничной». Надо заметить, что вообще экстатическое и истерическое состояние не только не исключают друг друга, а являются родственными и часто совпадающими, а потому они почти неразграничимы. Указания многих обвиняемых, что Маруся «не сопротивлялась», «сама просила—еще немножечко, давай скорее», описание ими, что она была точно в горячке, тяжело дышала, смеялась, выкрикивала—«кто это»,—если и недостаточны, чтобы сделать предположение о таком состоянии полового возбуждения, то они все-таки могут указывать на то, *что обвиняемыми оно могло восприниматься, как таковое*.

Здесь мы подходим, наконец, к одному очень важному и интересному вопросу *о связи между половым возбуждением ■ страхом*, вопросу, который в отношении Маруси тоже остается открытым, но который, конечно, от этого не теряет своей остроты и значимости. Нам, клиницистам, работающим ■ самых пограничных слоях, в области, где стираются уже грани между здоровьем ■ отклонениями, где под формой внешнего благополучия и спокойствия клокочат страсти в самых подчас уродливых ■ капризных проявлениях, хорошо известны многочисленные ■ повседневные случаи *сочетания* между собою страха и полового возбуждения, *превращения и замещения* друг друга[1]).

Возвращаясь ■ состоянию Маруси в роковой для нее день, можно почти с полной уверенностью сказать, что в *динамике ее переживаний*, как ■ всегда вообще при образовании душевных реакций, участвовал тогда *целый ряд самых разнообразных комплексов*.

---

[1]) Приведем два примера из нашей практики, где переживания, о которых нам сообщили пациенты, по форме как будто ■ не имели никакого отношения к затронутому нами сейчас вопросу. Так, в одном случае дельный работник 32 лет, приятный человек обратился к нам с жалобами на приступы страха смерти от разрыва сердца, когда он в полном отчаянии и ужасе не находит себе места, мечется и ищет спасения в ближайшей амбулатории или больнице; при распросе выяснилось, что его всегда вол-

Мы пытались показать различные картины той категории преступлений, которой мы посвящаем настоящий очерк, различные типы участников их, различную мотивацию их. Нам остается еще сказать о том, что об'единяет их, наметить элементы, которые присущи им.

В годы могучих общественных движений, когда жизнь клокочет в бурном стремительном потоке, разрушая старые и создавая новые формы, всегда неизбежна и грязная пена. Когда господствует стремление к коллективизму, как организующему началу человеческого устроения, тогда особенно становятся заметны эгоистические тенденции других, выступающих на базе индивидуалистического бытия. Переходный период нашего быта—тот фон, та основа, на которых сегодня выступает разбираемое нами явление, но корни, питающие его, уходят в глубь истории. Деревенская дикость [1]), «чего моя левая хочет» поднимающего свою голову кулака, люмпен-пролетарское невежество и паразитизм, отсутствие подлинных связей с производством в некоторых рабочих кругах—все это явления одного порядка, которые в переходное время приводят к расслаблению тормозов и без того весьма примитивной, легко подвижной общественной и личной морали названных слоев, и при благоприятных условиях к «развязыванию элементарных инстинктов».

Такому «развязыванию» их по нашему мнению, способствует „стадность“. Она стирает индивидуальные отличия,

---

нует вид хорошеньких женщин, что часто на высоте такого возбуждения происходит неожиданное для него переключение и тогда какой-то животный страх за себя безраздельно владеет им.

В другом случае—полноценная и интересная во всех отношениях тридцатилетняя женщина врач передала нам о том, что будучи 12-13-летней гимназисткой, ей предлагали в школе какую-нибудь сложную задачу, она испытывала невыносимый, всю сковывающий страх, затем разрежавшийся в каком-то своеобразном переживании, сочетавшемся с приятными чисто физическими ощущениями, которое для нее, теперь уже познавшей сладость любви, несомненно, тогда носило сексуальный характер.

[1]) Несомненно, деревня значительно выросла сравнительно с недавним прошлым, но темп расслоения деревни в различных местах, конечно, различный. Он, собственно говоря, определяет в своевременных условиях рост деревенской культуры. В том отношении Бунякино идет в самом хвосте.

опустошает разум и об'единяет всех в одном импульсе. Закон индукции подчиняет всех и все. Повинуясь одному инстикту все делают слепо то, что и один. Но психическая заразительность там сильнее, где возраст моложе и ум невелик. Умственная ограниченность и молодой возраст—два момента, которые не только тесно связаны с развитием стадного чувства, но и определяют самый характер его. Ведь не случайно, что у подростков преступления в области половых отношений отмечены вдвое чаще, чем у взрослых (Ziehen, Klieneberger). „В особенности беззащитны по отношению к своему гипергедонизму слабоумные подростки,—пишет проф. Ziehen. Сексуальный гипергедонизм при многих формах слабоумия (не при всех!) бывает особенно част и особенно силен; но дело в том, что у слабоумного, вследствие его умственного дефекта, понятие о долге, вместе с сопровождающим чувством долга, и вообще абстрактное обдумывание совершенно не влияет задерживающим образом на гипергедонизм или влияет в гораздо меньшей мере. Поэтому слабоумные и представляют такое несоразмерно большое процентное отношение ко всем, обусловленным гипергедонизмом, преступным действиям в период созревания. Вследствие отсутствия или слабости интеллектуальных задержек, даже средняя половая возбудимость скорее ведет у слабоумного к преступлению.

Не раз слышал я,—продолжает Ziehen,—от людей мало осведомленных, что в этих безнравственных и преступных действиях гипергедоников «дело идет, ведь, просто о разврате». Здесь нам не приходится ставить вопроса о разврате ни в этическом, ни в религиозном смысле. Во всяком случае, неопровержимо одно: у этих гипергедоников, со стороны телесной конституции,—существуют моменты, крайне затрудняющие борьбу для представлений о долге, и было бы безусловно несправедливо и нелепо отделываться от всех таких случаев словом «разврат». Если мы даже часто в искушении, идущем извне, признаем смягчающий вину момент, то это еще в гораздо более высокой степени уместно по отношению к этому, в буквальном смысле слова, искушению внутреннему».

Нам возразят, что в приводимых нами случаях, во-первых, большинство не слабоумных, а, во-вторых, и возраст

многих за 18 лет. Формально это так, а по существу совсем не так. Разве возраст уголовной зрелости совпадает всегда с таковым в биологическом смысле, разве в природе мы знаем определенные границы между юностью и зрелостью. Конечно, нет. Тот же Ziehen говорит: «последние отзвуки явлений пубертальной перестройки я нередко мог проследить до возраста 24 лет. При этом я оставляю в стороне те весьма редкие случаи „запоздалой“ зрелости, когда явления ясно выраженного пубертального характера продолжают иметь место на четвертом десятке лет». В исследованных нами случаях подавляющее большинство участников изнасилований группами поражало прежде всего своим физическим инфантилизмом и затем своею довольно значительной умственной ограниченностью. Мы далеки, конечно, от мысли усматривать в этом выражение только какой-то определенной конституциональной слабости, присущей именно данной категории преступников. Для нас они скорее недоросли. Недостаточность их обусловлена задержкой развития в связи с крайне неблагоприятным окружением (голод, эпидемии и т. д.) в котором протекал их рост. Они—«осадные дети Парижа».

Но такая задержка в развитии невольно приводит нас к мысли о некотором психосексуальном инфантилизме (Kronfeld), участников изнасилований группами. Этот момент, может быть, и является одним из решающих в описываемых нами преступлениях. Влечение к смотрению и показыванию—таковы проявления половых импульсов среди разрозненных, неоформленных еще побуждений до—сексуального влечения на детской ступени развития. Они, несомненно, также имеют место и в изучаемом нами явлении.